

18+

Андрей и Евгения Турукины

Поцелуй русалки

**Андрей Турукин
Евгения Турукина
Поцелуй русалки.
Остров, потерянный
морем. Книга первая**

*<https://litres.ru/74154702>
ISBN 9785007021722*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

1877 год. Тропический остров-колония Уиллоу Рок, где переплетаются британские порядки, экзотические джунгли и древние легенды.

Молодой репортер Джек Руден возвращается домой после шести лет жизни в Лондоне. Он надеется на спокойную жизнь и работу в местной газете, но сталкивается с серией жестоких убийств.

Расследование быстро выходит за рамки обычной полицейской процедуры. Джек вынужден объединить усилия с инспектором полиции Сварре Ларсеном.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	37
Глава 3	52
Глава 4	64
Глава 5	78
Глава 6	93
Глава 7	108
Глава 8	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Поцелуй русалки Остров, потерянный морем. Книга первая

**Андрей Турукин
Евгения Турукина**

© Андрей Турукин, 2026

© Евгения Турукина, 2026

ISBN 978-5-0070-2172-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-2173-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Остров Уиллоу Рок, 11 октября, 1877 года

Я стоял на носу пассажирского парохода «Герцог Эдинбургский», держась за горячие от солнца леерные ограждения, и смотрел, как из-за горизонта медленно поднимается остров Уиллоу Рок. Уже был виден единственный на острове город — Уиллоу. Он приближался с каждым ударом судового двигателя, и контуры зданий становились все четче, приобретая объем и тень.

Первым взору предстал порт, Уиллоу Бэй. И район Бэйтаун, его окружающий. Серая территория, как говорил дядюшка, на которой закон не настолько суров, как должно, но пусть будет как есть, ибо жизнь диктует свои правила, отличающиеся от тех, что написаны в книгах. А на случай беспорядков... Ну, в Бэйтауне живет не та публика, что будет устраивать бунт из-за чего-либо, не касающегося пошлин на ввоз экзотического товара или качества рома, а этого не произойдет никогда, пока идет торговля. Соответственно, хватит и констеблей из портового полицейского участка. Ах да, есть еще батарея в форте, на случай нападения с моря. Хотя все знают, что, по сути, это музейные экспонаты, но они служили напоминанием о силе и порядке. Ржавчина и ностальгия — вот их главное назначение.

Затем проступил Мидтаун — коммерческий центр остро-

ва, его сердце, где кровь и пот превращались в деньги, и наоборот. Представительства компаний, торговцы, служащие и прочая уважаемая публика, для которой все, кроме времени было товаром.

Следом за ним, словно оперная прима, выходящая на авансцену после увертюры, появилась она — Верхняя набережная, построенная на гигантском уступе. Белые колонны особняков сверкали на солнце, ослепительно контрастируя с темной, насыщенной зеленью пальм и древних фикусов, чьи корни, я знал, уходили глубоко в вулканическую породу, цепляясь за жизнь там, где другие растения погибли бы в первую же неделю. Это был район тишины и денег, где каждый камень знал свое место. Далее одновременно стали видны крыши двух- и трёхэтажных домов в колониальном стиле, образующих проспект Основателей. Там проживали потомки первых поселенцев, аристократы, отставные военные, в основном моряки, чьи пенсии выплачивались коронной казной с завидной регулярностью.

И наконец, Олдтаун, старейший район в городе, словно выросший в скальное основание острова. Я различил шпили и крест храма Святой Терезы, поблескивающие на солнце, и, почти сразу за ним, часовую башню ратуши, чей колокол я слышал каждое утро в детстве. Именно там проходили заседания городского Совета, торжественные приемы, светские мероприятия и все в таком духе, о чем писали в колонках светской хроники, которые я теперь читал совсем иначе, чем

раньше. Там, среди зелени садов, человек, который отправил меня прочь. Уинстон Донохью. Фамилия, звучавшая здесь как гарантия стабильности, как печать качества на всем, что происходило на острове.

Чуть в стороне, на одинокой прибрежной скале, торчащей из воды подобно сложенному кулаку, возвышался старый маяк. Каменная башня, потемневшая от времени и солёных брызг, стояла здесь почти столько же, сколько и город. Говорили, что строили его еще первопоселенцы, и туземцы помогали им в меру сил и умений. Благодаря этому союзу на острове никогда не было войн с коренным населением. Теперь потомки тех племен живут в городе на равных: работают, учатся, платят налоги. За без малого три сотни лет все привыкли к такому порядку. Маяк был прекрасен, настоящий страж побережья. На маяке живет смотритель — обычный человек. Дети острова любят рассказывать друг другу страшилки о призраках в фонарной комнате и про Смотрителя, который никогда не спит и питается лишь морским туманом. Меня это всегда смешило, я ведь знал смотрителя и его семью. Его жена пекла великолепные яблочные пироги, а сам хозяин маяка был самым земным человеком, какого я встречал. Но каждую ночь луч маяка разрезал тьму, предупреждая корабли об опасности, и в этом было что-то вечное.

Со стороны океана кажется, что город растёт вверх, этаж за этажом, терраса за террасой, словно стремясь дотянуться до неба. Так и есть, потому что рельеф местности не позво-

ляет строить иначе, заставляя архитектуру подчиняться природе. Город буквально жметя к скалам, на которых хорошо себя чувствуют разве что птицы да дикие козы.

Но дальше скалистое побережье меняется на предгорье, поросшее густым, непроходимым лесом, где тени лежат даже в полдень, создавая приятную прохладу для путника. Там начинаются поля и плантации, благо в местном климате растут почти все сельскохозяйственные культуры, от сахарного тростника до кофе, чей аромат разносится по округе во время сбора урожая.

Как бы то ни было, за те шесть лет, что я провел в Англии, здесь не изменилось ничего. На мой взгляд. Тот же остров, тот же порт, те же здания, та же неумолимая жара, которая начиналась с рассветом и заканчивалась лишь глубокой ночью, когда бриз приносил облегчение. И я был чертовски рад, потому что все шесть лет отчаянно скучал по всему этому, хотя никогда не признался бы в этом. Лондонский туман въелся в одежду, в кожу, в легкие, но не в душу. Там я научился писать быстро, думать четко, отсеивать лишнее, и не курить дешевый табак. Последнее вопреки мнению коллег, которые считали сигару неотъемлемой частью мужского разговора и признаком успеха. Я предпочитал сохранять голову ясной, а легкие чистыми. Это помогало замечать то, что другие упускали: дрожь в руках карманника, ложь в глазах свидетеля, скрытый смысл в официальных отчетах, где правда пряталась между строк, запах опиума от человека, обличав-

шего пороки. Это было куда более надежное оружие, чем револьвер, который я носил в кобуре под пиджаком, надеясь, что он мне никогда не понадобится.

Но, кажется, я не с того начал, да? Что же, давайте по порядку, как требуют того правила хорошего тона и полицейские протоколы. Меня зовут Джек Руден, мне двадцать два года, и я возвращаюсь домой после долгого пребывания в Англии, куда меня отправили, читай — сослали, дабы там я «направил свою энергию в правильное русло и получил образование, достойное джентльмена», как выражался дядя в своих письмах. Красиво сказано, не правда ли? Это слова моего дяди, написанные чернилами на дорогой бумаге с гербом, который я так и не удосужился рассмотреть внимательно. На самом деле эту фразу следовало понимать как: «Дорогой племянник. Ты изрядно допек добрых жителей города своими шалостями, драками и чрезмерным любопытством, поэтому езжай-ка отсюда куда-нибудь подальше, и научись там хоть чему-нибудь путному, пока я не нашел для тебя подходящую работу, где ты не сможешь ничего сломать». Убейся, Джек, в общем.

Ну, я и убрался. И мне там понравилось, несмотря на все трудности, холод и вечную спешку. Климат не радовал, кофе был отвратительным, но меня всерьез увлекла учеба. Получать знания за компанию с кем-то еще после домашнего обучения! Да я за это душу готов был отдать, жадно впитывая каждое слово профессоров. Четыре года учебы в универ-

ситете и еще два года, когда я работал сразу в двух лондонских изданиях, бегая по городу с блокнотом в руке. Не очень крупных, но и не самых мелких, знаете, таких, что печатают новости о пропаже кошек на первой полосе, я писал о реальном городе. Я спускался в трущобы Уайтчепела, поднимался в богатые гостиные Мэйфэра, всюду находя следы человеческих пороков и добродетелей, переплетенных в сложный узор жизни. Однако на седьмой год пребывания в Англии я вдруг ясно понял, что лондонские туманы мне изрядно надоели, что я невероятно скучаю по острову, по дяде и даже по домашним учителям. Не откладывая, я купил билет на ближайший рейс домой, собрал вещи в чемодан и отправился в путь, не предупредив никого телеграммой, желая сделать сюрприз. В итоге я стою на палубе, наблюдая, как приближается остров, с нетерпением жду швартовки и никак не могу понять — почему я вернулся туда, откуда с такой радостью уезжал. Память — лживая тварь. Она окрашивает прошлое в золотые тона, стирает острые углы воспоминаний, превращая боль в легкий зуд, а проблемы — в интересные задачи.

Сойдя на берег, я сразу же ощутил всю мощь местной атмосферы, которая обняла меня, как старая знакомая. Волна запаха ударила в нос раньше, чем я переступил порог терминала. Рыба. Свежая, солёная, вяленая, жареная, гнилая — смесь была невыносимой для моего обоняния, которое отвыкло от такой концентрации запахов за годы в Лондоне. Я никогда не ел рыбу и старался избегать мест, где ею пахло,

предпочитая мясо и овощи, но здесь этот запах был частью воздуха, вплетенным в саму ткань бытия.

Посетив таможенный пост, я предъявил свой паспорт хмуromу офицеру в темном от пота мундире, услышал в ответ быстрое: «с-возвращением-мистер-Руден» и отправился за багажом. Однако, выяснив, что в ожидании его выгрузки мне придется провести здесь еще три часа, не захотел терять время, а распорядился доставить багаж по указанному адресу, оставив чаевые, которые заставили глаза носильщика округлиться от неожиданности, и принял нечастое для меня решение — нанять ближайшего извозчика и покатить домой сразу, не дожидаясь вещей.

Я знал, чем это грозит. Земля под ногами была надежной опорой, но стоило мне сесть в коляску, как мир начал плыть. Морской болезни у меня не было и никогда не было, качка на корабле для меня естественна, как дыхание, я чувствовал себя частью волны, сливался с ритмом океана. Но стоило земле начать двигаться под ногами — мир плыл, стены смыкались, а желудок напоминал о себе неприятными спазмами, требуя покоя. Это была странная ирония судьбы, над которой смеялись друзья в Лондоне, называя меня морским волком с сухопутной слабостью.

Однако я научился справляться. Глубокое ровное дыхание, взгляд зафиксирован на горизонте через окно коляски, никаких книг в пути, никаких резких движений, которые могли нарушить хрупкое равновесие внутреннего уха.

Это была цена, которую я готов был заплатить, чтобы быстрее оказаться в стенах родного дома. Дом. Это очень странно звучало для меня. Поймите правильно, последние несколько лет я привык называть своим домом крохотную мансарду под крышей второго этажа книжного магазина на Комптон-Авеню, где половицы скрипели, а из крана шла ржавая вода, но я чувствовал себя независимым. А тут... Трёхэтажный особняк, прислуга, и вообще многое, от чего я успел отвыкнуть в Лондоне, где каждый сам за себя, где сосед может жить рядом годами, и вы не узнаете его имени.

Экипаж тронулся, и мы начали свой бесконечный подъем. Бэйтаун быстро остался внизу, превратившись в кучку грязных коробок, окутанных дымом. Дорога «Змеиный хвост» петляла вверх, словно уставшая змея, заползая все глубже в зеленое море джунглей. Мы ехали уже сорок минут, сменив три климатических пояса: от липкой морской жары до прохладной сырости предгорий, и только сейчас начали приближаться к первым виллам Мидтауна.

— Еще минимум полчаса до Верхней набережной, — проворчал кучер, погоняя лошадей на крутом вираже. — А там еще в очереди на пропускном пункте стоять будем.

Его слова заставили меня задуматься о крайне неудачном с точки зрения логистики, но идеальном для внутренней безопасности устройстве города. До отъезда я не задумывался об этом, но жизнь в криминальном Лондоне научила меня смотреть на привычные вещи под другим углом. Из-за по-

добных размышлений поездка оказалась неожиданно короткой. Или же мой организм просто решил отключить восприятие времени ради самосохранения, чтобы я не сошел с ума от тряски на булыжной мостовой. Покинув экипаж у подножья лестницы, я подхватил дорожный чемоданчик, в котором было самое нужное, и направился к дому. Белые стены, зеленые ставни, широкая веранда, где я когда-то читал книги вечерами. Как только я достиг верхней ступеньки лестницы, отворилась парадная дверь, за которой стоял Себастиан, наш дворецкий. Он взял у меня чемодан, и я вошел в просторный холл первого этажа, где воздух был прохладным и пах воском для мебели, старыми книгами и сухоцветами.

Первым, кого я увидел внутри, был мужчина средних лет с еще темными, едва тронутыми сединой, волосами, в домашнем костюме и накинутом поверх него халате. Дядя Уинстон не изменился за шесть лет — всё те же пронзительные синие глаза, всё тот же прямой взгляд, будто он видит тебя насквозь. Он спустился по лестнице, опираясь на трость, и я заметил, как за его спиной, словно тень, материализовался Камал. Рослый индус в безупречном костюме широко улыбнулся, радуясь моему возвращению.

— Джек! — воскликнул дядя, широко улыбаясь, и его голос эхом отразился от стен холла. — Мальчик мой, как же ты вырос! Стал совсем мужчиной, плечи расправил, взгляд уверенный. А я ждал тебя лишь к обеду, думал, корабль задержится.

— Корабль шел быстрее из-за попутного ветра, — машинально ответил я и чувствуя, как улыбка расплывается на моем лице вопреки всякому желанию сохранить суровость. — Ждал? Но я же не давал телеграмму о возвращении. Взял билет перед самым отплытием и не успел на телеграф! Никто не знал, что я сегодня буду здесь, это должен был быть сюрприз.

— Да кому он нужен, этот телеграф, — отмахнулся дядя, спускаясь ниже и крепко обнимая меня. Я почувствовал знакомый запах сигар и дорогого дерева, смешанный с чем-то пряным, что исходило от его одежды, запах, который ассоциировался у меня с безопасностью. — Я просто знал расписание пароходов и надеялся, что ты плывешь домой. Ну, хватит глупых вопросов, племянник. Добро пожаловать домой! Ты даже не представляешь, как здесь было тихо без тебя.

— Ну, на этот раз ты угадал, — ответил я на его объятья.

— Проходи, не стой столбом, — сказал он, отступив в сторону и указывая рукой на лестницу, ведущую на второй этаж. — Себастиан уже распорядился приготовить твою комнату. Ужин через час.

Я кивнул и направился по лестнице, чувствуя на спине его взгляд. Тяжелый, внимательный, оценивающий, но теперь я знал, что за этим взглядом нет угрозы, только забота. В доме было тихо, слишком тихо для такого большого здания, но эта тишина была живой, наполненной воспоминаниями. Слуги двигались бесшумно, словно тени, открывая двери и исче-

зая, прежде чем я успевал поблагодарить. Я зашел в свою комнату, снял пиджак, бросил его на кровать и подошел к окну. Отсюда был виден сад, тот самый пруд, где я когда-то учился плавать, и дальше — крыши города, уходящие к морю, где сейчас догорал закат. Солнце садилось, окрашивая небо в багровые тона, похожие на цвет вина, разбавленного водой. Я посмотрел на свое отражение в стекле. Тот же Джек, что уехал шесть лет назад, только глаза стали жестче, а вокруг них появились мелкие морщинки от постоянного прищуривания на солнце и от чтения при плохом свете в лондонских библиотеках.

Я вернулся домой. И это чувство было пьянящим, как хорошее вино. Я чувствовал, что вернулся в точку опоры, откуда можно планировать новые маршруты. Остров лежал внизу, спокойный и величественный, и мне показалось, что он приветствует меня. Я потерял переносицу, списывая это на усталость с дороги. Мне нужно было поспать, привести мысли в порядок. Я снова стану частью этого города, этого дома, этой семьи. Я найду работу в городской газете. Редактор «Вечерней Звезды» ждал моего звонка еще с Лондона, но дяде я ничего не сказал... буду писать о балах и открытиях магазинов, забуду о лондонских трущобах и кровавых преступлениях, хотя навык анализировать все, что я вижу, уже никуда не денется.

Я разделся, умылся холодной водой, которая освежила лицо. Лег на кровать и закрыл глаза. Сон не пришел сразу. Я

слышал тиканье часов в коридоре, далекий шум моря, крики каких-то ночных птиц, которые пели свои песни звездам. И мне казалось, что где-то совсем рядом, за стеной, стоит кто-то и слушает мое дыхание. Это было глупо, конечно. Это всего лишь дом моего дяди. Но в этом доме даже тени казались живыми, наполненными смыслом. В конце концов, усталость взяла свое, и я провалился в темноту. Мне не снилось ничего. Ни Лондон, ни море, ни лица людей, которых я знал. Просто пустота, спокойная и черная, как бархат. Потом пришел ужас. Липкий, душный, обволакивающий, мешающий дышать. А когда я, задыхаясь, проснулся, в ноздрях стоял удушающий запах гнилой рыбы, а в ушах гудел шторм. Я не мог пошевелиться, только лежал и сглатывал, пытаюсь понять, что со мной происходит. И каждый глоток ощущался морской водой. Проведя тыльной стороной ладони по губе, я ощутил что-то влажное. Кровь. Видимо прикусил во сне.

Я вытер губы платком, стараясь унять дрожь в руках. Только сейчас я заметил свет. В комнате горела лампа, освещающая уютный уголок. На столе лежала записка от дяди: «Ужин в гостиной. Не заставляй себя ждать. У.» Почерк был твердым, уверенным, без единой дрожи. Ополоснув лицо, я переоделся и вышел в коридор. Дом встретил меня тишиной, но это была уже другая тишина. Напряженная, ожидающая, как перед началом концерта. Я спустился вниз, направляясь на звук голосов. Дядя сидел в кресле у камина и смотрел на меня. В его руках был бокал с вином, темным, как ночь за

окном. В угла, у кофейного столика стоял Камал, колдуя над кофейником. Наверняка выбирает пряности, которые он добавит в кофе сегодня. Раджив, его брат, заканчивал сервировать стол.

— Садись, Джек, — сказал дядя, показав на накрытый стол. — Нам нужно поговорить, но сначала поужинаем. Ты ведь голоден с дороги? Корабельная еда никогда не бывает хорошей.

— Смертельно голоден, — признался я, садясь и чувствуя аромат жареного мяса и специй. — О, баранина с розмарином и печеным картофелем! Запах потрясающий.

— Твое любимое блюдо, — улыбнулся дядя, наливая вино и в мой бокал. — По-прежнему не ешь рыбу? Мясо — твой выбор?

— Конечно, — кивнул я, беря вилку.

Дождавшись, пока я поем, дядя отпил вина и посмотрел на меня с интересом.

— Расскажи лучше о Лондоне. Как там? Говорят, туманы стали еще гуще. И про твою работу. Ты писал мне, что работаешь в газете.

— Да, в «Весь год кругом» и еще в одной маленькой газете, — ответил я, чувствуя, как тепло еды распространяется по телу. — Писал криминальную хронику. Много бегал, много видел. Лондон... он разный. Есть богатые кварталы и есть трущобы. Но я научился там выживать. И писать так, чтобы люди читали.

— Я горжусь тобой, Джек, — сказал дядя. — Ты стал тем, кем хотел быть. А теперь ты дома. Здесь твоё будущее. Не обязательно бросать журналистику, я же знаю, как ты любишь писать.

— Спасибо, дядя, — сказал я, чувствуя, как глаза слипаются. — За все.

— Не за что, племянник, — он встал и положил руку мне на плечо. — Ты семья. А семья это самое важное. Раджив проводит тебя в комнату.

Раджив бесшумно подошел и взял мой бокал. Я вышел из гостиной, чувствуя себя счастливым. Я дома. И это знание радовало меня больше, чем любая удача в лондонских трущобах. Потому что там я был чужим. А здесь... здесь я был свой. И это обязывало, но не пугало. Не сейчас. Сейчас я просто хочу спать.

Глава 1

Бэйтаун, Док-Стрит, 13 октября, 06.30

Док-стрит тянется от Уиллоу Бэй до въезда в Мидтаун. Это сердце Бэйтауна. Здесь расположены склады, представительства судоходных и страховых компаний, ночлежки, приюты, игорные дома и тому подобные заведения, сулящие приключения, щекочущие нервы и бьющие в голову похлеще шампанского. Легко представить, какая публика здесь обитает, не так ли? Трудно ожидать иного от района, где все продается и покупается, а констебли на патрулировании стараются не покидать центральной улицы. Оказаться здесь сразу после возвращения было странно.

В Бэйтауне все проще: привычки, нравы, развлечения... Выпивка, кулачные бои и ставки — беспроектная комбинация. Настолько, что в доках, кроме моряков, ожидающих своего рейса, докеров и грузчиков, все чаще замечают молодых людей в дорогих костюмах, делающих вид, что они там свои в доску. Получается у них плохо, но деньги, которые они тратят не считая, легко сглаживают углы. Всю ночь они пьют, делают ставки, угощают окружающих и радуются как дети, а перед рассветом рассаживаются по своим ландо и катят в Верхний город — отсыпаться и готовиться к следующей ночи. Они-то и были моим сегодняшним ночным заданием. И проверкой моих способностей. Несколько экстре-

мально, но такова репортерская доля. В одном из этих ландо мог быть и я, но...

Но утро обещало быть прекрасным, солнце должно было вот-вот подняться, мыслей хватало, и я решил прогуляться по Док-стрит Мидтауна, несмотря на настойчивые уговоры Раджива, который был приставлен ко мне в качестве слуги и телохранителя. Теперь индус мрачно шагал впереди и левее меня. Он не разделял мою любовь к пешим прогулкам, считая их глупой и потенциально опасной тратой времени. Я шел, мысленно накидывая черновик будущей статьи, когда из переулка справа кто-то вышел. И разумеется, я с ним столкнулся. Это был подтянутый мужчина средних лет в мундире военного флота Её Величества.

— Поосторожнее, мистер! — возмущенно бросил он. — Вы же здесь не одни! К тому же, тут не стоит находиться посторонним.

— Вот же... — начал было я и осекся, поймав краем глаза движение Раджива. — Прошу прощения, сэр! Задумался и не заметил вас. Джек Руден, репортер «Вечерней Звезды».

И аккуратно провел ладонью левой руки перед собой. Раджив кивнул и отошел в сторону.

— А почему посторонним нельзя? Что-то случилось?

— Эдвард Вильямс, капитан третьего ранга, в отставке. Это моя семья. — Моряк кивнул в сторону ландо, из которого выглядывали две дамы. — Тут... я... мы ждем полицию.

— Я могу помочь?

Офицер задумался.

— Возможно. Но дело может быть опасным. Хотя на вид вы парень крепкий, Джек. Драться приходилось?

— Ну, смотря что вы называете дракой, сэр. Но постоять за себя могу. — Даже врать не пришлось. Во время учебы в Оксфорде мы увлеклись модной тогда иностранной борьбой — странной смесью борьбы и бокса, но большая часть приемов была вполне рабочей. — А что здесь произошло?

— Сегодня утром на «Веселом толстяке» из Европы прибыла моя жена с дочерью. Я решил прогуляться до порта пешком, а кучеру велел подождать нас здесь. А вернувшись, увидел вот его! — Капитан рубанул рукой в сторону бледного и явно испуганного кучера, сидящего на мостовой. — Этому идиоту приспичило, и он решил справить нужду между складами. Ну а там он нашел тело. То есть, он не произнес ни слова и до сих пор молчит, не онемел бы от испуга. Я посадил семью в ландо и пошел проверить, что он там увидел. И только заглянул туда, как почувствовал этот запах, густой до тошноты, и до тошноты же знакомый. Я все-таки боевой офицер, — Вильямс невесело ухмыльнулся. — И уж поверь, сынок, запах дерьма и крови ни с чем не спутаешь. Собственно, это все. Я хочу съездить в полицейский участок за инспектором, заодно и семью увезу отсюда. Но кто-то должен остаться здесь. Так что, если хочешь помочь, проследи, чтобы туда не зашли. Просто побудь рядом, пока не приедут полицейские.

Я задумался. С одной стороны, я чертовски устал и хочется спать, а с другой... А с другой стороны, из этого может получиться неплохое приключение. Или статья, в конце концов. Ну, или будет о чем рассказать дяде за ужином. И я согласился.

— Конечно, я помогу вам.

— Благодарю, мистер Руден. Я постараюсь не задерживаться.

— Вам лучше остаться здесь, молодой господин, — мягко сказал Раджив, проходя мимо меня в переулочек. — А я посмотрю с той стороны.

Пройдя до конца переулочка, он осмотрелся и скрылся за угол. Я прислонился к стене и приготовился ждать. Хватило меня на пятнадцать минут. Потом мой внутренний репортер, откровенно скучающий по лондонским приключениям, принялся уговаривать меня сходить и посмотреть, что же там произошло, в этом переулочке. Найти место преступления оказалось несложно, в основном из-за запаха, о котором предупредил капитан. Крови, дерьма и чего-то еще, плохо уловимого. Я принял, но запах с рыбного склада забивал почти все запахи. Пару секунд я раздумывал, потом просто зашел в проход и увидел это. Мрачное и по-своему красивое сочетание красного, белого и коричневого наводило скорее на мысли о рыбе на разделочной доске, чем об отнятой жизни. Не было это похоже на человека, уже не было. Меня замутило, я отшатнулся, опершись рукой о стену, чтобы не

упасть. Под пальцами я ощутил что-то склизкое, но мне было не до того — я пытался дышать.

В чувство меня привело ощущение чужого взгляда. Я огляделся. На другой стороне прохода, перекрытого забором, стоял человек и смотрел прямо на меня. Что-то в нем меня смутило, что-то неуловимое, и я попытался приглядеться получше. Поймав мой взгляд и поняв, что я его вижу, он перемахнул через забор и скрылся, прежде чем я его разглядел. Я бросился за ним, но, не сделав и двух шагов, остановился. Присмотреть за переулком важнее, чем бегать за незнакомцем. Выйдя на улицу, я прислонился было к стене, но понял, что просто отключусь, если останусь на месте, поэтому принялся ходить. Потом вспомнил, что рука измазана кровью, достал платок и попытался оттереть. За этим занятием меня и застало возвращение капитана.

— О, наконец-то! Сюда, инспектор. — Голос Вильямса заставил меня повернуться. Он как раз выходил из-за угла в сопровождении инспектора. Следом шли сонные констебли.

— Джек! Это инспектор Вулчер. Он прибыл для осмотра места преступления.

«Вулчер? Тот самый?», подумал я. «Хорошо мы лично не знакомы...»

— Я уверен, вы преувеличиваете, капитан! — голос инспектора так и сочился самоуверенностью. — А вы, молодой человек, подождите здесь. Констебль, проследите.

Он со вторым констеблем ушли в переулок. Инспектор на

ходу продолжил:

— Да, публика тут не самая добрая, случаются и кражи, и драки, и ножами машут, но того, что вы описали, точно быть не... Господь всемогущий! Это, это точно человек?

— Был человек, теперь нет, — вздохнул Вильямс. — Я могу ехать? В любом случае, как меня найти, вы знаете.

— Вы да, — кивнул инспектор. — А у вас, молодой человек, мне нужно кое-что уточнить. Хорошего дня, капитан.

Коротко кивнув, Вильямс с явным облегчением покинул переулок. Глядя ему вслед, я обратился к полицейскому.

— Так что вы хотели уточнить, инспектор? В любом случае, я видел то же, что и вы, потому что пришел сюда позже, чем капитан Вильямс, так что не думаю, что могу чем-то помочь в расследовании.

— О нет, мистер, вы мне определенно поможете, — неприятно осклабился инспектор. — Вы арестованы!

Бэйтаун, полицейский участок, камера для допросов, 10.14

— Повторяю, я просто возвращался домой, когда встретил капитана Вильямса, и он попросил меня помочь ему проследить за местом преступления. Все. — Повторять одно и то же уже который раз подряд оказалось чертовски утомительным занятием. Особенно в сочетании с последствиями бессонной ночи и крайне угнетающей обстановкой комнаты для допросов в полицейском участке, куда меня доставили два хмурых констебля под руководством инспектора.

— Ну-ну, — скривился инспектор. Он был высок, худ и неприятен, что в сочетании с длинным носом, глазами навывкате и изрядной залысиной делало его похожим на стервятника. А уж когда он склонялся над плечом секретаря, то сходство становилось до отвращения полным. Даже имя соответствовало. — И не надоело вам, юноша, раз за разом повторять одно и то же? Вы находились на месте преступления один. Ваши ботинки и одежда испачканы кровью, да что там, ваша ладонь в крови. А на вас — ни царапины! Улики говорят против вас! И вы пытались их уничтожить — стереть! Прямо у нас на глазах! Но вы продолжаете все отрицать.

— Не надоело, — отозвался я. — Потому что я говорю правду. Никакого отношения к убийству я не имею, жертву я не знаю, на месте преступления я был не один — капитан, я, вы и убийца как минимум. Рука в крови — я оперся ей о стену, там все в крови, царапин нет — кому меня царапать? И вдобавок, если я убийца, начерта мне предлагать капитану Вильямсу помощь?

— Это же очевидно, — хохотнул инспектор. — Дабы отвести от себя подозрения, конечно. И кстати, я могу предъявить вам еще одно обвинение, хотя и убийства вам за глаза хватит.

— Еще одно? — удивился я. — А конкретнее можно?

— Ну коли вы настаиваете... Кража документов! Паспорт-то не ваш! Наверняка вы украли его у какого-нибудь молодого человека из приличной семьи, одного из тех, кто

бывает в Доках по ночам в поисках развлечений.

— Почти в точку, — согласился я. — А вы не думали, что я — один из них? Ну ладно, даже если и нет, то я все равно не виновен. Наткнулся на капитана, узнал о происшествии, предложил помощь, и что в итоге? Я здесь, вы здесь, он здесь! — Я указал скованными руками на секретаря. — Повторяю. Я не-ви-но-вен!

— Это нужно доказать, — буркнул инспектор. — Еще скажи, что ты, — он повысил голос, — потомок одного из членов совета. Никогда не поверю! Ты убийца! И место твое в тюрьме!

— Доказывайте, — великодушно разрешил я. — Я не обязан доказывать свою невиновность. И да, я вам больше слова не скажу без адвоката.

— Если у тебя денег на него хватит! — фыркнул инспектор.

— Хватит, не переживайте, — улыбнулся я.

Вулчер свирепо уставился на меня. Я соответственно на него. Минуты полторы мы играли в гляделки, пока один из нас не выдержал.

— Инспектор, а пойдемте обедать? Завтрак-то мы из-за него пропустили. А он пока посидит в камере, подумает о своей жизни и вообще... — робко подал голос секретарь.

Я фыркнул, меня разбирал смех.

Вулчер шумно выдохнул.

— И то верно, — буркнул он, отходя от меня к двери. —

Ну что ж, Руден. Не хотите по-хорошему? Значит, будет по-другому. Констебль, уведите подозреваемого!

Бэйтаун, полицейский участок, камера, 10.17 — 13.10

Хмурый полисмен отвел меня в камеру, скороговоркой пробормотал что-то вроде «не шуметь, обед принесут» и закрыл дверь. Я осмотрелся. Камера была небольшой, шесть шагов

в ширину и десять в длину — я посчитал, пока шел к маленькому зарешеченному окну. По правой стене откидная койка, застеленная стареньким, но чистым шерстяным одеялом, слева столик, в углу за небольшой перегородкой из кирпича отверстие в полу, из которого, как ни странно, не особенно и пахло. Пожав плечам, я сел на койку, оперся спиной на стену, закрыл глаза и провалился в сон. Скоро за мной придут, так что долго здесь я не пробуду. Но день обещает быть долгим, и нужно поспать.

Разбудил меня лязг засова и скрип открываемой двери. Зевая, я наблюдал, как в камеру входит Вулчер, лицо которого выражало полнейшее несогласие с происходящим. Следом вошел некто полный в мундире шеф-инспектора.

Последним через порог шагнул Майкл Дж. Оутерс, поверенный моего дяди. Как всегда, в модного фасона костюме и шляпе, с тростью в правой руке. За время моего отсутствия он несколько прибавил в весе, что прибавило ему солидности, но сказалось на скорости. Войдя, все трое посмотрели на

меня. Инспектор раздраженно, некто в мундире грустно, а в глазах мистера Оутерса плясали смешинки, плохо вяжущиеся с его строгим, суровым даже, выражением лица. Далее, как пишут в бульварных романах, повисло неловкое молчание.

— Добрый день, господа, — самым любезным тоном, на какой был способен, произнес я. — Чем обязан вашему визиту? Вы же здесь управляющий? Жалобы принимаете? Мне кажется, у вас обслуживание не на лучшем уровне. Кровать слишком жесткая, туалет ни в какие ворота, зеркала нет, ну хоть тепло. И повешайте занавески на окна, рекомендую зеленые — этот цвет нынче моден, такой как у одеяла на кровати. Вот оно прекрасно, кстати. Мне категорически не понравился этот номер! И где обещанный обед? Мне даже меню не принесли.

Вулчер и некто в мундире переглянулись. Вид у них, надо сказать, был донельзя изумленный. Оутерс и глазом не моргнул.

— Добрый день, мистер Руден. — Вперед шагнул некто в мундире. — ...я не управляющий, но готов принять ваши жалобы, в письменном виде, таковы требования закона, увы. Но позвольте все-таки представиться. Я Джеймс Пеппер, шеф-инспектор этого участка. От имени Управления полиции и себя лично приношу извинения за ваше... — тут он замялся, — не совсем правомерное помещение под арест, что неприменимо к свидетелю, каковым вы и являетесь. Я

вас уверяю, инспектор Вулчер придерживается того же мнения.

Инспектор глухо проклекотал что-то согласное, но явно был недоволен и все еще не понимал, зачем он здесь. Он арестовал «убийцу» прямо на месте преступления, а теперь явился какой-то напыщенный тип, и этого «убийцу» нужно почему-то отпускать и зачем-то приносить извинения.

— И мы искренне благодарны мэтру Оутерсу за то, что он указал нам на эту досадную оплошность, не доводя этот инцидент до вашего глубокоуважаемого дядюшки. — Джеймс Пеппер очень пристально посмотрел на этих словах на Вулчера. Тот почему-то густо покраснел, а затем побледнел, словно труп. — Время главы городского Совета слишком дорого, чтобы тратить его на вопросы, которые мы и сами можем решить. Ведь так, мэтр Оутерс?

— А разве у вас еще остались вопросы, господа? — Хорошо поставленным баритоном осведомился мэтр. — Нет? Так я и думал. Идем, Джек. Надо привести тебя в порядок и одеть по-человечески. Мне на твой наряд смотреть больно. Где ты его взял? На свалке?

— Нет, сэр, в магазине готового платья братьев Твист, на Филд-стрит, — бодро отрапортовал я, направляясь к выходу.

— Об этом я и говорю, — вздохнул Оутерс.

Выйдя в холл участка, я огляделся, не нашел искомого и повернулся к так и сопровождавшим меня Пепперу и Вулчеру.

— Господа, куда я должен пройти, чтобы изложить свои претензии касательно условий в номерах?! — спрашивал я вроде негромко, но уши, а затем и головы всех присутствующих полисменов немедленно повернулись в мою сторону. Инспектор скривился, будто страдал от зубной боли, и взмахом руки указал на небольшую конторку, на которой я увидел чернильницу с пером и стопку листов. К ней я и направился.

— Пару минут, мэтр. Думаю, я должен это сделать.

Оутерс кивнул, внимательно рассматривая свой маникюр.

— Конечно, Джек. Не забудь получить у секретаря квитанцию о поданной жалобе, так, на всякий случай.

Изложив претензии (кровать неудобная, питания нет, темно и почитать нечего, даже газет), я помахал Пепперу и проследовал за мэтром на улицу.

Бэйтаун, полицейский участок — Олдтаун, особняк Донохью, 13.30—15.00

Там нас ждал экипаж, а место кучера на козлах занял Раджив. Увидев меня, он коротко поклонился и принял привычно-безмятежный вид. Мы сели, юрист лениво стукнул тростью в стенку экипажа, и мы поехали. Неожиданно Оутерс негромко хохотнул.

— Отличная штука с претензиями! Мне даже интересно, что из этого получится. Ты смог пробудить мое любопытство. Давненько такого не было. Спасибо, Джек!

— Не за что, сэр.

И тут мэтр внимательно посмотрел на меня.

— Итак, Джек, теперь я спрашиваю абсолютно серьезно.

Во что ты вляпался?

— На этот раз? — уточнил я. — Или вообще?

— На этот раз. Только давай без своих обычных шуток, хорошо? Мне в любом случае придется говорить с твоим дядей, и чем больше я узнаю сейчас, тем проще будет тебе.

— Эээ... С чего начинать? Там все сложно.

— С начала, Джек. В Оксфорде тебя не научили, что любая история начинается с начала? Ты же работаешь в газете, должен был хотя бы там это узнать.

— Как раз с газеты все и началось, — вздохнул я. — Вы же знаете, что у «золотой молодежи» Олдтауна нынче в моде посещение Бэйтауна, а точнее, Доков? Ну и променад по Док-стрит, разумеется.

— Что-то слышал, да, — кивнул мэтр.

— Ну вот, главный редактор решил, что это может стать отличным материалом для статьи, а то мол, вечно у нас в газете только светские мероприятия, новости моды, колонка редактора, да объявления. Ах да, еще рекламные развороты. Ну еще раз в неделю с небольшим мы перепечатаваем статьи из европейских и американских газет. Рутинная в общем, бессмысленная и беспощадная.

— Не преувеличивай, — отмахнулся Оутерс. — Правильно и модно одеваться должен уметь каждый уважающий себя

мужчина. Ну да ладно. Продолжай.

— Да собственно, решить-то он решил, а идти в Доки пришлось мне. Ибо остальные сотрудники редакции банально не подходят по возрасту. Ну и тот факт, что я буквально вчера прибыл на остров, тоже поспособствовал.

— Ну конечно, с корабля на бал, да? И твоя репутация шалопая и бездельника, каким ты был до отъезда в Англию, тут совершенно не при чем? — беззлобно подколот меня мужчина, которого в детстве я называл исключительно дядей Майклом.

— Ну, да, — признал я очевидный факт. — Шеф примерно так и сказал. Так что я пошел к братьям Твист, купил у них одежду и отправился в Бэйтаун. Там я всю ночь бродил следом за отпрысками лучших семей острова, и Бог мой, где их только не носило! Хотя кулачные бои были ничего, не хуже чем в Англии. Ну и ромовый забег мне запомнился. Отличная статья должна получиться!

— В общем ты не скучал. — Кивнул мэтр. — Переходи к утренним событиям, это важнее.

— Да собственно там и рассказывать нечего. Примерно в половине шестого утра вся эта компания утомилась и отправилась по домам. А я пошел пешком. Наткнулся на Вильямса, прошу прощения, капитана Вильямса, и он попросил меня помочь ему: проследить за местом преступления. Это показалось мне интересным, и я согласился. Обошел дом, сунулся в переулок, увидел там тело, точнее то, что от него

осталось. Мне почему-то стало дурно, я оперся о стену, испачкался в крови и вышел из переулка. Собственно, там никого, кроме меня, и не было, пока не прилетел стервятник и не забрал меня в гнездо. А потом вы за мной пришли.

— Стервятник? — не понял мэтр, потом сообразил и рассмеялся. — А, ты о Вулчере. Не поверишь, именно так его и называют за глаза. И вовсе не за внешность. Это все?

— Почти. Инспектор все утро меня допрашивал, ну как допрашивал — просто непрерывно задавал один тот же вопрос — зачем я убил. Очень хотел, чтобы я сознался в убийстве, предлагал смягчение приговора. Полагаю, что пеньковый галстук мне заменили бы на шелковый. Но я его разочаровал. И меня отвели в камеру, где я в итоге смог немного поспать. Потом вы приехали и меня разбудили. Все.

— Да уж. Негусто. — Задумчиво хмыкнул Оутерс. — Мне нужно подумать обо всем этом. Давай послезавтра пообедаем на Верхней Набережной, в ресторанчике дядюшки Цзао. Тогда и поговорим.

— Конечно, сэр. С радостью.

— Отлично, Джек. О, да мы приехали. — Мэтр лучезарно улыбнулся. — Отдохни, приведи себя в порядок, тебе ведь еще статью сдавать, не ошибаюсь?

— О, точно, я и забыл. — И тут до меня дошло. — Боже милосердный, мне же еще от дядюшки взбучку получать, причем за дело! Кой черт понес меня на эту галеру?!

— Цитируешь Мольера? Оксфорд явно пошел тебе на

пользу, — хохотнул Оутерс. И, отбросив шутливый тон, добавил: — А касается взбучки... Твой дядя пока ничего не знает, Раджив сразу же отыскал меня, ну а я, в свою очередь, поехал за тобой. Я Вулчера хорошо знаю, если уж он вцепится, то не отпустит, и плевать он хотел на все, кроме закрытого дела. Так что будь осторожнее, Джек. Уверен, вы еще не раз с ним встретитесь, а я не всегда смогу прибыть тебе на помощь. Ну, все, отдыхай, а у меня еще есть чем заняться. До послезавтра!

— До послезавтра, — пробормотал я, глядя, как уважаемый юрист берет в руки вожжи и, лихо свистнув, пускает лошадь в галоп.

— Мэтр опаздывает на встречу в Верхнем городе, — негромко прокомментировал картину индус. — Полагаю, что сильно. Молодой господин, ванная и свежая одежда будут готовы через десять минут. Или предпочитаете сначала пообедать?

— Пообедать, — решил я, поразмыслив. — Но сначала поговорю с дядей. Он у себя?

Раджив щелкнул крышкой своих карманных часов.

— Три часа пополудни. Да, он сейчас у себя в кабинете.

— Вот и отлично. Наверное. Ладно, я пошел, пока не передумал.

Поднявшись на второй этаж по лестнице для прислуги (она была ближе, чем парадная, не подумайте), я собрался постучать в дверь кабинета, когда услышал громкий голос

дяди:

— Да входи ты уже!

Глава 2

Особняк Донохью, 15.03

— Мог бы и не стучать, Джек, — ворчливо сказал дядя.
— Ты же знаешь, я тебе всегда рад.

Я огляделся. В кабинете как обычно царил полумрак. Шторы были задернуты, и все, что я видел, — письменный стол, ярко освещенный лампой, и силуэт дядюшки. Он сидел за письменным столом, поглощенный какими-то документами. За его спиной неподвижно стоял Камал. В его темных глазах отражался свет лампы, лицо было спокойным, даже сонным, но я знал, что это лишь видимость. При необходимости этот здоровяк мог быть быстрее кошки.

— Добрый день, Джек, — произнес дядя, не прерывая чтения. — Как прошло твоё утро?

— Так себе, если честно, — ответил я. — Я не выспался, я видел скверное, меня арестовали и первую половину дня я провел в камере полицейского участка.

Дядюшка даже головы не поднял.

— В камере, — повторил он со странной интонацией. — И как оно? Там были крысы?

— Не знаю. Я спал. Но крыс я там не заметил.

Дядя хмыкнул.

— Тогда твой первый арест прошел гораздо лучше моего. Нам с Майки приходилось спать по очереди.

Он наконец отложил бумаги в сторону и посмотрел на меня. Очки его ярко блеснули отраженным светом. Я поёжил-ся. Здесь стало прохладнее? Нет, показалось.

— Тебя не было за завтраком, Джек, и очень жаль. Сегодня Рене превзошел сам себя — его тортільяс были просто чудесны. Но думаю, что он с радостью приготовит еще одну порцию и подаст тебе на десерт к обеду. Ты же наверняка голоден?

Я пожал плечами и кивнул, соглашаясь. За годы, что живу у дяди, я понял, что когда он задает вопросы в такой форме, отвечать на них не обязательно. Потому что по факту это распоряжения. Примерно так я и получил Раджива. Его старший брат сопровождает дядю в поездках, выходах в свет, а когда дядя остается дома, выполняет обязанности его камердинера

— Ну что же, — нарочито бодро сказал я, когда пауза затянулась. — Пойду я пожалуй, приму ванну, а потом пообедаю и отдохну. Не буду мешать, дядюшка!

— Ступай, Джек, — кивнул дядя, уже поглощенный очередным документом. — Увидимся за ужином.

Приняв ванну и пообедав, я почувствовал себя достаточно живым для написания статьи, ради которой все и затевалось. Но не тут-то было. Мысли все время возвращались к жертве. В очередной раз потеряв ранее измазанную кровью руку, я невольно вскрикнул от боли — во время мытья я так скреб кожу, что чуть ее не содрал, но запах, он все еще был

здесь, в моих ноздрях, этот мерзкий, отвратительный запах.

Собравшись с мыслями, я вернулся в комнату, сел за письменный стол, пододвинул к себе печатную машинку и размял пальцы, раздумывая над началом. Что нужно сказать читателю, чтобы он дочитал статью до конца? Хороший вопрос, да? К счастью, в данном случае у меня уже был готов ответ.

«Как, наверное, знают читатели „Вечерней Звезды“, совсем недавно, ваш покорный слуга вернулся на Уиллоу Рок из Англии. И знаете, у меня такое чувство, что я не покидал остров, настолько по-прежнему он выглядит, будто и не было этих шести лет. И это хорошо, это здорово, но... иногда я скучаю по вечернему Лондону. Это заставило меня задуматься, а как же развлекаются молодые люди здесь, на Уиллоу Рок? Пришлось провести небольшое „расследование“, но результаты его меня изрядно удивили. Итак, предлагаю вашему вниманию семь самых популярных способов борьбы со скукой на нашем острове...».

Встав из-за стола, я потянулся. За окном неторопливо сгустились сумерки. Надо же, неплохо поработал, подумал я. А который час? Восемь часов пополудни! Ужин! Дядюшка же ясно сказал, что мы увидимся за ужином. И это будет... через десять минут? Боже, мне срочно нужно переодеться. Я почти позвал Раджива, но вспомнил про сигнальный шнур, дернул его и кинулся в ванную комнату — привести себя в порядок. К моему возвращению на кровати уже лежали костюм из твида и светлая сорочка. Одеваясь, я поймал себя

на том, что продолжаю думать об убийстве, и это начинало меня раздражать.

Когда я спустился в столовую, дядя как раз сидел за стол.

— Прошу прощения за опоздание, дядя. Дописывал статью и не уследил за временем, — ответил я на невысказанный упрек. Дядя кивнул.

— Ничего страшного, Джек. Работа должна быть сделана. Давай спокойно поужинаем, а после поговорим.

— Конечно. Приятного аппетита.

— И тебе, Джек.

Пужинав, мы перебрались в гостиную, куда Раджив принес кофейник, ароматные булочки и сигары.

— Итак, Джек, — произнес дядя, дождавшись, пока я сяду в кресло и налью нам в чашки горячий ароматный кофе. — Днем ты сказал, что видел скверное. Расскажешь?

Собираясь с мыслями, я сделал глоток кофе. Как же я скушал по нему в Англии! Там совершенно не умеют его готовить. Да он там и не растет, к слову.

— Отличный кофе. С южных плантаций, верно?

— Верно, Джек, оттуда. Не тани время. Я жду. И передай мне сливки, пожалуйста.

— Э... Вот. Ну, историю про развлечения золотой молодежи острова в Бэйтауне ты знаешь?

— Мэтр Оутерс что-то такое мне говорил, да, — кивнул дядя.

— Ага. А главный редактор — мистер Жене, решил, что я именно тот, кто нужен, чтобы пойти туда с ними, провести там ночь, а потом написать статью.

— Из-за которой ты едва не опоздал к ужину, — уточнил дядя.

— Совершенно верно, — согласился я. — Так что в этом смысле проблем нет. Но на обратном пути я наткнулся на место преступления. Убийства.

— Вот как. И кого убили?

— Не знаю, тело сильно изуродовано, я даже не понял, мужчина это, или женщина. Боже, там все было в крови, и внутренностях, и...

— Достаточно, — мягко остановил меня дядя. — Продолжай.

— Там был морской капитан, Вильямс, он попросил меня помочь, проследить, чтобы никто не прошел в тот переулок, где это случилось. Я проследил. А затем приехал инспектор Вулчер, отослал Вильямса домой, а меня приказал арестовать, как подозреваемого в убийстве. Меня привезли в участок и несколько часов требовали признаться в преступлении. Я не стал ничего говорить, меня отвели в камеру, а потом приехал мэтр и меня освободили. А остальное ты знаешь.

Дядя задумался. Наверняка он уже знал, что со мной произошло. Раджив, конечно же. Я и не сомневался, что он расскажет дяде обо всем. Я привык к тому, что он всегда

знает, где я был и что делал. За годы жизни с дядей это перестало меня волновать. Это как закон природы: огонь обжигает, вода мочит, а дядя всегда знает. Так было с тех пор, как я живу у него.

— Джек, — сказал он наконец. — Что тебя беспокоит? На самом деле?

Теперь задумался я. А в самом деле, что? Труп? Нет, мертвецов с детства не боюсь, так уж вышло. Арест? Тоже мимо, просто забавное приключение, не более. Да, даже будь я настоящим преступником, эта история завершилась бы точно так же — визитом мэтра Оутерса и моим освобождением. Нет, было что-то еще, чего я не осознаю. Я сосредоточился, вспоминая. Вот я встречаю капитана Вильямса. Раздражение, сожаление, желание помочь. Не то. Вот я вхожу в переулок. Любопытство. Ближе, но не то. Вижу тело. Отвращение, отторжение, злость, ужас. Да, это оно, но почему? Назад. Я вошел в переулок, в воздухе стоял густой запах крови. И чего-то еще. Я закрыл глаза, вспоминая. За запахом железа прятался еще один, почти неуловимый, маслянистый и отдающий... рыбой? Очень похоже. Нашел! Вот что меня беспокоило все это время. Я открыл глаза. Дядя терпеливо ждал моего ответа.

— Что-то не так с жертвой преступления, и меня это беспокоит. Хотел бы я разобраться в этой загадке.

— И что тебе мешает? — иронично приподнял бровь дядя.

— Э, тайна следствия? — предположил я. — И вообще, я же могу попасть в неприятности.

— Раньше тебя это не останавливало, — хмыкнул дядя.

— Ну да. — И тут до меня дошло. — Хочешь сказать, ты мне не запретишь?

Дядя пожал плечами.

— Ну, ты же предупредил. Не как раньше. И вообще, ты же журналист. Вот тебе шанс написать еще одну отличную историю. А куда увезли тело, ты знаешь?

— Не знаю, — растерялся я. — Никогда не интересовался этим. Видимо, зря.

— Никогда не поздно расширить границы изведенного, — улыбнулся дядя и щелкнул крышкой своих часов. — Без двадцати минут девять. Ты еще можешь успеть в госпиталь Святой Терезы. Если поторопишься, то успеешь застать там доктора Тобиаса. И передай от меня привет старому вояке. Заберешь его на столике в прихожей. Хотя, пусть Раджив его захватит, не заморачивайся.

— А зачем мне нужно к доктору? — не понял я.

— Он бывший военный врач, — пояснил дядя. — Ведет частную практику, но это скучно, поэтому он подрабатывает коронером. И работает он в морге госпиталя Святой Терезы. Дальше догадаешься сам?

— Ох, — выдохнул я и, опрокинув стул, кинулся к выходу.

Мидтаун, госпиталь Св. Терезы, морг, 21.30

Госпиталь Святой Терезы располагался в Мидтауне. Со-держался он на средства, выделенные городом на содержа-ние госпиталя, и пожертвования горожан. В основном здесь лечились жители Мидтауна и гости острова, но в экстрен-ных случаях сюда обращались все нуждающиеся. Несколько врачей, имеющих частную практику на добровольных нача-лах, вели в госпитале прием больных, не имеющих средств на оплату лечения. Часть лекарств передавали госпиталю го-родские фармацевты.

Примерно в половине десятого наш экипаж подъехал к госпиталю. На звон колокольчика, висящего у дверей, вышел недовольный, сонный с виду сторож. Впрочем, узнав мое имя и цель визита, спокойно пропустил нас с Радживом, что-то бурча себе под нос. В холле он попросил нас подождать и куда-то ушел. Вернулся он через пару минут в компании заспанного молодого парня с добродушной улыбкой.

— Томми вас проводит, — сказал сторож. — Я бы и сам, господин Руден, но мне нельзя отлучаться.

Томми кивнул, развернулся и широкими шагами напра-вился в коридор. Велев Радживу ждать меня в холле, я по-спешил за ним. В конце длинного коридора парень остано-вился и показал на неприметную дверь.

— Вот, — сказал он. — Вниз по лестнице и по коридо-ру до первой двери. Док Тобиас здесь работает. А мне туда нельзя. Я у него как ни повернусь, вечно что-нибудь роняю.

Док ругается, что я неуклюжий.

— Сильно ругается? — спросил я.

— Да не, — ухмыльнулся Томми. — Док вообще-то хороший. Он мою сестру вылечил. Она порезала руку, когда чистила рыбу, и та перестала ее слушаться. Вот такая стала, — и вытянул вперед левую руку, сильно выгнув ладонь вверх. — И доктор Баррен посмотрел и сказал, что ничего сделать нельзя, мол, сухожилия перерезаны и вообще, радуйтесь, что она кровью не истекла насмерть. А Анна работать не могла и все время грустила. И однажды хотела повеситься, но у нее не получилось. А я ходил грустный, и все у меня из рук валилось, потому что я про сестру все время думал. У меня же кроме нее нет никого. Отец с моря не вернулся, он был гарпунером на «Веллермане», мама от чахотки умерла. Вот, из-за этого я ходил грустный, а док Тобиас это заметил и спросил, почему. Ну я и рассказал. А он сказал, чтобы я сестру привел, он ее сам посмотрит.

Томми шумно вздохнул и замолчал.

— А дальше? — не выдержал я.

Парень пожал плечами.

— Ну, привел я Анну, док ее руку пощупал, посмотрел, и сказал, что шансы есть, но это не обычное лечение, а это, как же он его? Экс-пи-ри-мин-таль-ное, во! Ну Анна сразу сказала, что на все согласна, лишь бы рука работала. Док ее забрал к себе в клинику, в Олдтаун, и вылечил ее руку. Она у нее теперь как новая!

— А как сейчас у Анны дела?

Томми радостно заулыбался.

— Отлично! Док ее к себе на работу взял, сказал, что она ассистирует хорошо и вида крови не боится. Пообещал ее на курсы медсестер отправить, при монастыре Святой Терезы. Да вы идите, он же вас ждет, наверное!

Попрощавшись с Томми, я спустился по лестнице и открыл первую замеченную дверь, едва успев прикрыться рукой — после полумрака коридора и лестницы яркий свет неприятно резанул по глазам. В нос ударил запах формальдегида.

— Доктор Тобиас! Вы здесь? — осторожно позвал я, осматривая помещение. Ничего особенного: полки со всякой всячиной, письменный стол, умывальник, и в центре — стол для вскрытий, над которым висел ослепивший меня светильник. На нем что-то лежало, но простыня не позволяла рассмотреть, что именно.

— А кто спрашивает? — отозвался хрипловатый голос из глубины комнаты.

— Джек Руден. У меня есть вопросы касательно щекотливого дела, и мне порекомендовали обратиться к вам.

— Кто, если не секрет?

— Советник Уинстон Донохью.

— Ну если старина Уинстон... Хорошо. Подождите, я сейчас выйду.

Минуто спустя из незамеченных мной дверей прихрамы-

вая вышел человек среднего роста. Одет он был по американской моде — брюки, рубашка, жилет. По американской же моде были и его бакенбарды и усы. Светлые, будто вылинявшие глаза смотрели со спокойной иронией. Подойдя ко мне, он протянул руку.

— Доктор Майкл Эрл Тобиас. Хирург, коронер.

— Джек Руден. Репортер. Он просил передать вам привет.

— Я протянул Тобиасу сверток, в котором что-то булькнуло. Развернув его, доктор извлек на свет бутылку.

— Ох ты, кентуккийский! Ну надо же! Мое почтение старине Уинстону! А кем вы ему приходитесь?

— Племянником, — коротко ответил я. — Я провел шесть лет в Англии, несколько дней как вернулся.

— Тогда с возвращением! Так что вы хотели узнать, Джек?

Я задумался, формулируя вопрос.

— Сегодня утром я был на месте преступления в Бэйтауне. Вам не привозили тело?

Доктор задумчиво посмотрел на меня, повернулся к двери, из которой вышел, и негромко позвал:

— Инспектор, составьте нам компанию, будьте так любезны.

Спустя несколько секунд к нам вышел человек в полицейской форме с нашивками инспектора. Увидев меня, он подобрался, словно кот перед дракой, затем выдохнул и почти спокойно поинтересовался:

— А вы здесь какого черта забыли, Руден?

— У меня тот же вопрос, инспектор, — парировал я. — Ваш участок расположен в Бэйтауне, если я правильно помню.

— Бог мой! — воскликнул Тобиас. — Так вы знакомы!

— К сожалению, — проворчал Вулчер. — Так хорошо было, пока этот проныра не вернулся на остров. А отвечая на ваш вопрос, Руден, я здесь из-за этого трупa. Убийство в порту, на моей, — он надавил голосом. — территории. Где я должен быть, по-вашему?

Я пожал плечами. Да где угодно, лишь бы подальше от меня.

Доктор Тобиас не стал ждать объяснений и сменил тему разговора.

— Мистер Руден спрашивает про жертву убийства в Бэйтауне. Вы не возражаете, если я отвечу и на его вопросы?

— Не возражаю, — скривился инспектор. — Он же все равно не отстанет, так что валяйте.

— Благодарю, господа, — откашлялся я. — Итак, тело здесь?

— Здесь, — кивнул Тобиас и откинул простыню. — Извольте.

Мы усталились на стол. Справившись с неожиданным приступом тошноты и липкого ужаса, я попытался понять, кем была жертва.

— Доктор, кто это? В смысле пола?

— Женщина, — не колеблясь, ответил тот. — Лет двадцать, может, чуть больше.

— А вы что скажете, инспектор? — поинтересовался я.
— Опознать ее можно? Личные вещи, еще что-то?

Тот нехотя кивнул. Потом указал на тело.

— Ну, судя по татуировке дельфина на лодыжке, это Ми-
лашка Мод. Одна из девочек Мадам Оушен. Светленькая та-
кая, смешливая. Работала официанткой в «Прибое». Это та-
верна на Док-стрит, прямо за...

— Благодарю, я знаю, где это. И с Мадам Оушен я знаком.
Есть еще что-то добавить?

— Нет, — покачал тот головой. — Завтра наведаюсь в
«Прибой», поговорю с местными, может, они что-то знают,
или видели. Хотя сомневаюсь, что мне что-нибудь расска-
жут. А на сегодня у меня все. Хорошего вечера, господа.

— Судя по тому, что я вижу, у вас с инспектором какая-то
ссора, — утвердительно произнес Тобиас, когда шаги ин-
спектора затихли на лестнице.

— С чего вы так решили? — удивился я.

Док ухмыльнулся.

— Жизненный опыт и логика, юноша. Увидев вас, он на-
прягся, а потом постарался успокоиться. Есть соображения,
почему?

— Ну... Он меня не очень любит, — признал я. — Точ-
нее, очень не любит. Полагаю, у него есть на это право. Это
связано с его попыткой подняться по служебной лестнице.

Неудачной. И вчерашним арестом. Тоже неудачным.

— А вы умеете заинтриговать, Джек. Надо полагать, эта история не для моих ушей?

— Отчего же? — хмыкнул я. — Минимум половина Мидтауна в курсе, так что не думаю, что это такая уж тайна. А давайте поменяемся, док? Вы честно и полно отвечаете на мои вопросы, какими бы странными они вам ни казались, а я поведаю вам историю о бравом инспекторе и его злоключениях. Но точно не в мертвецкой, уж простите.

— Договорились! — Ни секунды не раздумывая, кивнул Тобиас. — Так что вы хотели спросить?

— Что-то необычное в трупе есть? Кроме схожести с разделанной рыбой на столе повара.

— Да в общем нет, — задумчиво ответил доктор. — Обычная девушка, никаких отклонений. Разве что...

Он рассеянно повел рукой, видимо, подбирая формулировку.

— Внутренние органы несколько смещены со своих мест. И таз уже, чем должен быть у женщины ее возраста.

— Это ненормально?

— Да в общем нет, просто необычно. Этакая допустимая погрешность в чертежах Создателя. Что-то не совсем на своем месте, например сердце, — нормально, все люди разные, и в бытность мою военным хирургом я видел всякое, но чтобы сместились все сразу, это странно.

— Ну, возможно, я же не медик, но не вижу причин со-

мневаться в ваших словах. А объяснить это можно?

— Объяснить можно все, что угодно, — фыркнул врач.
— Лишь бы объяснение оказалось верным. В нашем случае же... Возможно, но придется кое-что проверить. Минуту.

Док надел перчатки и начал внимательно осматривать тело. Дойдя до паха, он аккуратно прощупал низ живота, заглянул в разрез, рассеянно кивнул и выпрямился. Потом внимательно уставился на меня.

— Как? — спросил вдруг он. — Как вы догадались, что с телом что-то не так?

— Я не догадался, — фыркнул я. — Просто предположил. А что с ним не так?

Тобиас задумался.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Не уверен. Утром проведу детальное обследование и, возможно, скажу, что именно с телом не так. А пока могу сказать, что согласно ряду признаков жертва была беременна. Но это лишь догадка, потому что плода я не обнаружил. Так что вынужден с вами попрощаться, как минимум до утра. И я не забыл о нашем уговоре.

На этом мы и попрощались. Тобиас остался закрывать прозекторскую, а мы с Радживом поехали домой. День, казавшийся бесконечным, все-таки подходил к концу.

Глава 3

Мидтаун, госпиталь Св. Терезы, 10.00

Следующее утро началось с посещения редакции, где я отдал готовую статью. Затем мы поехали в госпиталь, где застали мрачного доктора, сидящего на пороге. В правой руке он держал дымящуюся сигару, явно не первую, судя по двум окуркам у его ног. Рядом с ним стоял инспектор Вулчер, и вид у него был, мягко говоря, озадаченный.

— Доброе утро, доктор, — приветствовал их я, выходя из ландо. — Инспектор.

— Не такое уж оно и доброе, Джек, — отозвался доктор. Инспектор поджал губы.

— Что-то случилось?

— Случилось, черт возьми, исчезновение! Тело пропало! — Тобиас рассерженно топнул ногой. — Я приехал сюда, спустился в подвал и обнаружил, что дверь в мертвецкую открыта, а тело исчезло. Разумеется, я отправил Томми за инспектором, а тут и вы подъехали. Это какой-то бред! Ну кому, скажите на милость, понадобился изуродованный труп?

— Убийце? — предположил я. Тобиас уставился на меня, затем на Вулчера, тот задумчиво кивнул.

— Это имеет смысл, — произнес он нехотя. — Наверняка у преступника есть мотив, но я его пока не понимаю. Что ж, я осмотрел место преступления. Замок несомненно

взломан, тела действительно нет. Протокол осмотра я привезу чуть позже, а пока позвольте откланяться. Доктор Тобиас, мистер Руден.

Убедившись, что инспектор уехал, я повернулся к доктору:

— Могу я осмотреть место преступления? Я, конечно, не полицейский, но мало ли...

Тот пожал плечами и приглашающе указал рукой в сторону входа.

На первый взгляд в мертвецкой все было так же, как и вчера вечером. Почти все. Я принял. Вчера здесь пахло лишь формальдегидом, но сегодня, когда помещение слегка проветрилось, я вновь ощутил тот же маслянистый запах, что и на месте убийства. Теперь он был чуть сильнее и немного другим, более резким, что ли... Я поморщился. Сам по себе запах не был неприятен, но он вызывал у меня какое-то глубинное, совершенно необъяснимое чувство страха и злости. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться. Поднявшись наверх, я обратился к Тобиасу:

— Доктор. Поскольку ваш рабочий день безнадежно испорчен, предлагаю скрасить его чашкой ароматного кофе и свежей выпечкой, где-нибудь на... Верхней Набережной, например. Что скажете?

Тобиас неуверенно улыбнулся.

— Вы же сейчас пошутили, Джек? Скажите, что да, пожа-

луйста.

— Ни в коем случае, док. Про кофе и выпечку я не шучу никогда. Поехали!

Олдтаун, кофейня на Верхней Набережной,

Поездка до кофейни на набережной явно пошла Тобиасу на пользу. Он успокоился, стал менее мрачен, ну а после чашки ароматного чая (от кофе доктор все-таки отказался) совсем успокоился. Я сделал глоток, чувствуя как тепло распространяется по телу и решил сменить тему.

— Док, — начал я, отставляя чашку. — Скажите, вы ведь человек образованный. Читали в свое время книгу некоей Мэри Шелли? «Франкенштейн, или Современный Прометей»?

Тобиас медленно поднял на меня взгляд. Его светлые, выцветшие глаза чуть прищурились, словно он оценивал, насколько серьезен мой вопрос. Он провел пальцем по краю блюдца, смахивая невидимую пылинку.

— Беллетристику предпочитаю не читать, Джек, — наконец ответил он, и в голосе его звучала привычная усталость человека, видевшего слишком много реальной плоти, чтобы интересоваться вымышленной. — Для меня куда полезнее медицинские журналы. Там хотя бы факты, а не домыслы. Но конкретно этот роман... да, я его прочёл.

— И что же вас побудило? — удивился я. — Не думал, что вы любитель готических ужасов.

— Не ужасов, — поправил доктор. — Интересы профессионального. Все-таки речь о коллеге-докторе. И о смелости научной мысли, пусть и доведенной до абсурда. Любопытно было взглянуть, как литераторы видят наши потуги играть в Бога.

Я наклонился вперед, заинтригованный. Тобиас редко делился мнениями, не касающимися анатомии.

— И что вы думаете по этому поводу? Что это за история, на ваш взгляд?

Доктор вздохнул, откидываясь на спинку стула. За окном проплывал экипаж, колеса глухо стучали по булыжнику, но Тобиас, казалось, слышал что-то другое.

— Я думаю, что книга вовсе не о том, как сделать искусственного человека, — произнес он тихо, но весомо. — И не о достижениях современной науки, как полагают многие восторженные юнцы.

Он помедлил, подбирая слова, и его взгляд стал жестче.

— Она о потере контроля, Джек. О том, что доктор, пытаясь сотворить новое, просто потерял контроль над своей жизнью. Не заметил, как сам стал чудовищем. В книге он вроде как создал монстра, но при этом монстр оказался человечнее его. У творения была душа, была боль, была цель. А у творца? Только амбиции и страх.

Тобиас вдруг моргнул, словно очнувшись от транса. Он резко выпрямился, и маска циничного практика вернулась на его лицо. Он даже усмехнулся, будто извиняясь за минуту

откровенности.

— А вообще, — сказал он, беря свою чашку и залпом допивая остывший чай, — это все чушь и блажь. Читайте научную литературу, мистер Руден. У нас век просвещения, на дворе тысяча восемьсот семьдесят седьмой год, а не время для сказок у камина. Не забивайте голову всякой чепухой. Это мешает видеть реальность.

Он постучал пальцем по столу, словно ставя точку в дискуссии.

— Реальность, — повторил я, глядя на него.

— Именно, — кивнул Тобиас, и в его глазах снова мелькнула та самая неуловимая тень, которую я заметил в морге. — Реальность куда проще и куда страшнее любых книг. А теперь, если вы закончили с философией, давайте обсудим, кто мог вынести тело из закрытого помещения, не оставив следов взлома.

— Убийца, который хочет скрыть следы, — предположил я. — Или тот, кому выгодно, чтобы дело осталось нераскрытым. Итак, мы потеряли улику. Но хоть что-то вы нашли?

Доктор неуверенно кивнул.

— Не то, чтобы нашел, скорее вспомнил. Ткани ее тела были плотнее, чем я ожидал. Мышцы, стенки внутренних органов, ну и прочее. А еще, я думаю, что она была сильнее, чем выглядела. Ну, вероятнее всего. Тела-то у нас уже нет, стало быть, и доказать я ничего не могу.

— Я вам верю, доктор, если вам это так важно. — успо-

коил его я. — Но объясните мне, как профану в медицине, откуда такие выводы? Попроще, если можно.

Тобиас задумался.

— Ну... Когда я делал аутопсию, мне показалось, что скальпель режет не очень хорошо и я его заменил. Но, второй резал не лучше. Образец мышечной ткани я все-таки получил и исследовал при помощи микроскопа...

Он замолчал.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал я. — Не люблю паузы.

— Я просто перевел дыхание, — проворчал доктор, наливая себе чай. — Итак, я воспользовался микроскопом. Образец... То, что я увидел, отличалось от человеческой плоти, Джек. Я точно знаю, я немало ее повидал во время Войны Штатов.

— Так что в ней было не так? — не выдержал я. — Что?

— Да все в ней было так, — устало сказал доктор. — Кроме того, что такая плотность тканей встречалась мне только у морских животных. Тюленей, например. Дельфинов. Или акул. Но жертва-то человек... Не знаю, что думать.

— Хотите сказать, убитая была тюленем? — фыркнул я. — Вы не могли ошибиться? Поздний вечер, усталость, трудный день... Да мало ли причин!

Я перевел дыхание, собираясь продолжить, когда меня прервали.

— Джек Уинстон Руден! — Звонкий голос заставил обер-

нуться не только нас, но и других посетителей кофейни.

Перед нами стояли две девушки. Обе в костюмах для прогулок, обе стройные и светлокожие. На этом их сходство заканчивалось. Начиная с цвета волос — ярко рыжих у одной и русых у другой и заканчивая платьями — цвета весенней травы у рыжей и нежно-бирюзового у ее спутницы. Рыжая девица гневно смотрела на меня. Вздохнув, я встал и обратился к Тобиасу:

— Доктор, позвольте представить вам дочерей...

— Джорджа Мюррея, фармацевта. — закончил за меня доктор, вставая одновременно со мной. — Мы знакомы, Джек. Доброе утро, Дафна, Ингрид.

Светловолосая Ингрид выглянула из-за спины Дафны и сделала книксен. Ее сестре было не до соблюдения этикета — она отчитывала меня.

— Мистер Руден, вы негодяй! — заявила она, обвиняюще указав на меня правой рукой. — Вот уже неделя, как вы на острове, но так и не появились у нас в аптеке. Хорошие друзья так не поступают. Здравствуйте, доктор. Итак, мистер Руден, что вы скажете в свое оправдание?

Я картинно бухнул кулаком себе в грудь.

— Невиновен, мисс. И у меня была веская причина.

— Да? И какая? — заинтересовалась девушка.

— Я не болел, — объяснил я. — А пользоваться ложным предлогом, чтобы побыть в вашей чудесной компании недостойно джентльмена. Но зато я знаю, как загладить свою ви-

ну.

Рыжая заинтересованно склонила голову набок.

— И как же?

— Я планирую завтра нанести визит вашему батюшке. У той истории с инспектором возможно продолжение, поэтому я хотел бы поговорить об этом с господином Мюрреем, — сымпровизировал я, увидел нахмуренные брови старшей, испуганный взгляд младшей и добавил: — Разумеется, ваше присутствие обязательно, мисс Мюррей.

— Это... приемлемо, — кивнула девушка. — Мы с Ингрид будем вам очень рады, Джек. До свидания. Мистер Руден, доктор Тобиас.

Глядя вслед уходящим сестрам, доктор задумчиво крутил на указательном пальце чашку из-под чая. Глядя на его легкие, почти незаметные движения, я мысленно заменил чашку револьвером и образ Тобиаса сразу перестал казаться мирным. Напротив меня сидел человек, точно знающий, для чего нужно оружие. «Старый вояка», сказал дядюшка, вспомнил я и неожиданно для нас обоих спросил:

— Скажите, вам доводилось убивать на той войне, Майкл?

Доктор вздрогнул, удивленно посмотрел на меня, затем осознал вопрос и замер. Странно, как-то вбок, повел шеей, и глухо, в сторону, ответил.

— Не самая любимая тема для разговоров, но да, Джек. Я убивал. И видит Бог, хотел бы я сказать, что жалею об этом,

но нет. Глупо жалеть о том, что ты не погиб на войне. Я — не погиб. И кстати, что за история с инспектором Вулчером? Хотя действительно странно, что он приехал ко мне, теперь же он служит в Бэйтауне. А ведь говорили, что он метил в Олдтаун.

— Вот именно, — усмехнулся я. — История эта произошла шесть лет назад, до моего отъезда. И все устроил сам инспектор Вулчер.

Тобиас удивленно приподнял бровь.

— Вулчер? Но он всегда служил в порту.

— Не всегда. Шесть лет назад он был старшим инспектором в Мидтауне и рвался на повышение — хотел получить участок в Олдтауне. Ему нужно было «громкое дело», чтобы показать свою эффективность Совету. И он выбрал легкую мишень — аптеку Джорджа Мюррея.

Я сделал паузу, вспоминая детали.

— Вулчер был уверен, что Мюррей занижает объемы благотворительных поставок в госпиталь и продает излишки на лево. Он организовал проверку, явился в аптеку без ордера, в цивильном, и начал давить на оставшуюся за прилавком дочь фармацевта, мисс Ингрид. Требовал документы, угрожал арестом, вел себя по-хамски. А когда вниз спустилась старшая, Дафна, и попыталась защитить сестру, Вулчер перешел все границы.

— И что он сделал? — нахмурился Тобиас.

— Оскорбил их память. Назвал девочек «дочерьми ир-

ландской потаскухи», забыв, что их мать умерла при родах Дафны, а Джордж вдовец. Для ирландцев это худшее оскорбление. Дафна, девушка горячая, не стала церемониться. Она схватила ведро для мытья полов и... ну, в общем, водрузила его инспектору на голову. А затем, для закрепления эффекта, прошла по этому ведру шваброй и вытолкала его на улицу.

Тобиас расплескал чай, подавившись смехом.

— Вы меня разыгрываете! Вулчер? С ведром на голове? И его выставила девушка?!

— Чистая правда, док. Первый раунд остался за сестрами Мюррей. Но Вулчер так просто не сдается. На следующий день он явился уже в полной форме, с нарядом полиции, и арестовал Дафну за нападение на офицера. Хотел посадить ее надолго, чтобы сломать семью и выдать из них показания против отца.

— И тут появляетесь вы? — догадался Тобиас.

— Тут появляюсь я. Мне тогда было шестнадцать, и Дафна была моим близким другом. Я не смог остаться в стороне. Мэтр Оутерс, семейный юрист дяди Уинстона, подключил свои связи, чтобы выволить девушку под залог, но этого было мало. Я хотел уничтожить репутацию Вулчера публично. Я постучал пальцем по столу.

— Я написал фельетон, «Пилули для инспектора». Подробно, с именами, с описанием того, как ретивый инспектор пытается сфабриковать дело против уважаемого фарма-

цвета, как оскорбляет сирот и как получает заслуженное возмездие от хрупкой девушки с ведром. Показал статью дяде, тот прочел, и сказал, что это как камень, брошенный в лужу — будет много брызг. И спросил, готов ли я к последствиям. Я сказал, что готов. Статья вышла в «Вечерней Звезде» на следующий день. Скандальчик получился на весь остров.

— И это стоило Вулчеру карьеры? — уточнил Тобиас.

— Карьеры в Олдтауне — однозначно. Совет не смог оставить такого шума без последствий. Вулчера не уволили, но сослали с глаз долой — в Бэйтаун, руководить портовым участком. Считаю, в ссылку. А меня... — я усмехнулся, — насчет меня дядя решил, что мое «непонимание последствий своих поступков» требуют лучшего образования. Через неделю я уже плыл в Англию. Так что Вулчер потерял должность мечты, а я — спокойную жизнь на острове. И все из-за одного ведра.

Тобиас долго молчал, переваривая услышанное. Затем он покачал головой, и в его глазах появилось новое понимание.

— Теперь понятно, почему он так взбесился, увидев вас вчера. Он не просто арестовывал подозреваемого. Он сводил старые счеты. Для него вы не просто свидетель, Джек. Вы — тот самый мальчишка, который разрушил его планы шесть лет назад. И теперь вы вернулись.

— Именно, — кивнул я. — Только теперь я не шестнадцатилетний юнец с блокнотом. Ведра у меня с собой нет, но есть пара друзей и немного опыта.

— Берегитесь его, Джек, — серьезно сказал Тобиас. — Человек, которого унизили публично, опасен вдвойне. Особенно если у него в руках значок и власть в самом грязном районе острова.

— Я помню об этом, док. Я помню.

Тобиас задумчиво посмотрел на меня:

— История что надо. Одного не понимаю — почему я не услышал ее раньше? От Джорджа, например?

— Вы же не ирландец, — хохотнул я. — Я сам-то о ней узнал только из-за мэтра. Не возьми он меня с собой в полицейский участок, я не имел бы удовольствия познакомиться с сестрами Мюррей и их отцом.

Доктор согласно качнул головой, залпом допил свой чай и поднялся.

— Благодарю за беседу и компанию, Джек. Это было кстати. И да, мне нужно обдумать ваши слова. А пока мне пора домой. Мои пациенты не любят ждать.

— Мой экипаж к вашим услугам, доктор, — кивнул я. — Тем более что нам по пути.

— Вот как? — удивился Тобиас. — И куда на этот раз?

— В Бэйтаун, — ухмыльнулся я. — Задам пару-другую вопросов Мадам Оушен. В конце концов, репортер я или нет?

Глава 4

Бэйтаун, таверна «Прибой», 14.14

Отыскать «Прибой» несложно. Находясь на единственной улице, ведущей из порта в город, с точки зрения стратегии и тактики таверна была расположена идеально. Приличную публику встречали на причале, усаживали в ландо и везли в Олдтаун, в шикарный «Олд-Холл», либо в «Мидтаун Отель», а народ попроще шел пешком. Соответственно, пройти мимо «Прибоя» не мог никто. Приличная кухня, дешевое спиртное и милые девушки из obsługi таверны — вот три кита, на которых покоилось благополучие Мадам Оушен. И никакой поножовщины. Близнецы Шарки и Вэйли следили за порядком и спуску не давали никому. И что с того, что за дверью «Прибоя» могло произойти все что угодно? Близнецов это не касалось. Парни охраняли «Прибой» и точка.

Упомянутые братья стояли на крыльце по бокам от входа в «Прибой». Одеты они были в матросские рубахи с закатанными рукавами, свободные штаны и жилеты. Дубинок, верных спутниц всех вышибал города, при них не было, но братьев это не смущало. Природа щедро наделила их ростом и мускулатурой, а грубая внешность помогала избежать ненужных стычек. Впрочем, умом братья тоже обделены не были, чего не скажешь о чувстве юмора...

— Ой, братец, никак к нам франт из Верхнего пожаловал? — ухмыльнулся Шарки (или Вэйли, я их вечно путал). — Вы к хозяйке, господин Руден, аль «Поцелуй русалки» испробовать решились?

— К хозяйке, любезный. Она у себя?

— А где же мне быть? — отозвался из помещения низкий грудной голос. — Пропусти его, Вэйли, господин репортер по делу пришел.

Вэйли, посторонившись, махнул рукой, я толкнул маятниковые двери и вошел внутрь. Раджив остался на улице.

Соответственно дверям, весь интерьер таверны был выполнен в стиле американских салунов. Просторный зал, массивная барная стойка, лестница, уходящая на второй этаж — не хватало лишь развешанных по стенам седел, кнутов и винтовок. Их с успехом заменяли якоря, гарпуны, сети, удочки и корабельные снасти. Столы и стулья были сделаны из бочек, что придавало помещению вид пиратского логова.

Под стать заведению была и его хозяйка. Стройная, не сказать худая, женщина среднего роста с бледно-голубыми глазами и копной темных волос, забранных под косынку. Одета она была в странную, но гармоничную смесь мужской и женской одежды. Светлая блуза с большим вырезом, широкие штаны, заправленные в полусапожки, на талии широкий кожаный пояс с кольцами для ключей и кармашками со всякой всячиной. Рукава блузы закатаны, открывая взгляду браслеты из кораллов, на шее ожерелье из жемчуга в несколько ни-

ток. Из-под выреза блузы к ключицам тянулась татуировка — какие-то щупальца или растения.

Пытаясь понять, что там изображено, я невольно подался вперед, чем вызвал смешок хозяйки «Прибоя».

— С моей грудью что-то не то? — ехидно поинтересовалась она.

Я смутился.

— Насколько я вижу, нет, мэ, мадам. Просто я пытался понять, что же там изображено.

— Ах, вот оно что, — с деланным разочарованием протянула она. — А я-то подумала... Там актиния, молодой человек. Но я вам ее не покажу, уж не обессудьте.

Она улыбалась, но ее взгляд был серьезен. Примерно так же на меня смотрел грабитель банков, у которого я брал интервью в Лондоне. Лицо его было скрыто маской, видны были только глаза. И этот взгляд я запомнил. Эдакое молчаливое обещание убить, если ты пересечёшь черту, причем где она проведена, неизвестно.

— Прошу прощения за неподобающее поведение, мадам. — Коротко поклонился я, отступив на шаг. — Больше не повторится.

— А он хорошо вас воспитал. — Почти искренне улыбнулась она. — Вы не так плохи, как о вас говорят. Хотите супа? Сегодня буйабес. Ингредиенты, конечно, отличаются, но вам понравится, уж поверьте.

Рыба! Боже, за что? Хотя... а чего я ждал от заведения,

расположенного почти что в порту? Множества блюд из мяса? Поэтому я лишь вздохнул:

— Увы, я по делу. Возможно, в следующий раз.

Она пожала плечами.

— В следующий раз будет русская тройная уха. Потом паэлья с тунцом.

— А что-нибудь мясное? Стейк, бифштекс, отбивные?

— Здесь, в «Прибое», только рыбная кухня. Думаю, почему так, объяснять не нужно? — прищурилась она.

— Не нужно, мадам. В таком случае, боюсь, придется вас разочаровать. Я не ем рыбу. Вообще.

Мадам недоверчиво склонила голову к плечу.

— Совсем? Какая досада. Но предложить вам выпить я могу?

— Возможно позже, мадам. Сейчас я хотел бы поговорить.

— А вы настойчивый, — отметила она. — Так что вас привело ко мне, Джек?

— Смерть, — ответил я. — Плохая смерть.

Ее улыбка поблекла.

— Вы про бедняжку Мод? Ужасно. Девочки плакали всю ночь, мне пришлось помочь им.

Девочки плакали, а она нет, подумал я. Почему, интересно? Но спросил о другом.

— Так вы уже знаете. Инспектор Вулчер приходил до меня?

Она кивнула.

— Ужасный человек. Никакого такта. Представляете, он хотел войти и забрать ее вещи, сказал, что в качестве улик. А когда я не позволила, заявил, что знает о моих связях с контрабандистами и даст ход расследованию.

— А вы что? — заинтересовался я.

— А я сказала ему, что: во-первых, я несомненно связана с контрабандистами. Они наверняка бывают в «Прибое», чтобы поесть, выпить и пообщаться с моими девочками. А во-вторых, без нужных документов я его даже на порог не пушу, особенно после того случая в Мидтауне. И он ушел, клекоча от злости и ругаясь как три боцмана.

— Ясно. Расскажите про Милашку Мод. Ее же так звали?

— Нет конечно! — фыркнула Мадам. — Мэри-Энн Сторбелл, вот как ее звали. А Милашка Мод ее псевдоним. Девочка вовсе не собиралась провести здесь всю свою жизнь. Никто из них не собирается. А Мэри... Она копила деньги, думала уехать в Англию, чтобы получить образование и вернуться сюда учительницей. Бедняжка очень любила детей, только о них и говорила.

Она всхлипнула и промокнула глаза уголком платка, которым были схвачены ее волосы. Затем с подозрением уставилась на меня. Голос ее стал совершенно деревянным:

— Зачем вы пришли? Хотите написать статью о несчастной официантке и показать всем, какой вы прекрасный репортер? Если так, вам следует уйти, потому что ни я, ни кто-

то другой вам слова не скажет.

Я примиряюще поднял ладони.

— Успокойтесь, мадам, я не за этим пришел. Я был вторым человеком, увидевшим ее тело, точнее, третьим, если считать убийцу. И я не верю, что полиция будет искать преступника. Для них Мэри — просто жительница Бэйтауна, маленькая никчемная рыбка из гнилого болота.

На слове «рыбка» Мадам вздрогнула, затем будто выдохнула, пока я продолжал:

— Я хочу разобраться в этом деле. Не для вас, для себя. Потому что после того, что я видел... я чувствую себя грязным. И знаю лишь один способ перестать таким быть. Сделать что-то. Поэтому пришел к вам, мадам.

— Хорошо, — сдалась она. — Что вы хотите знать?

— Я хотел прояснить два вопроса, мадам. Для начала. Если позволите.

— Я же сказала, что отвечу. Спрашивайте уже!

Голос ее стал сух и неприятен. Я внимательно посмотрел на нее. Она сидела, положив на столешницу руки, с идеально прямой спиной и смотрела в окно — на порт Уиллоу Бэй. Взгляд ее был тосклив, но спокоен, будто она приняла важное и неприятное решение.

— Давно Мэри у вас работает? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Год. Год и месяц, почти что.

— Сколько ей было лет?

— Двадцать. Ей исполнилось двадцать лет позавчера. Девочки ее поздравляли, а я подарила ей кулон с редкой жемчужиной. — Она повернулась ко мне. — Его нашли?

— Нет, ищут. Погодите, вы же о кулоне, да?

Она кивнула.

— К сожалению, я не в курсе, но постараюсь это выяснить. А что за кулон? С описанием его будет гораздо проще найти. Кстати, у вас есть фото Мэри-Энн? Или рисунок? Я верну, обещаю.

Она кивнула.

— Да, к нам недавно приходил художник, он уговорил девушек ему попозировать. Я отказалась, но девочкам очень понравилась эта идея. Так что да, у меня есть рисунок Мэри-Энн, и кулон отлично виден. Но это просто подвеска в виде серебряного дельфина с красной жемчужиной. Безделушка на долгую память, не более. Минуту.

Она отошла к барной стойке и почти сразу вернулась с конвертом в руках.

— Вот рисунок. Когда закончите своё расследование, верните пожалуйста.

— Ладно, — легко согласился я. — Как скажете. А до этого, кто-нибудь из девушек пропадал? Публика здесь не самая мирная, все могло случиться.

— Могло, — кивнула Оушен. — Но мальчики за ними присматривают, так что нет. Не могло.

Я лишь пожал плечами. Не могло, так не могло.

— Что же касается пропаж... — она задумалась. — Неделю полторы назад молодой человек пытался найти жену. Так и не нашел. Кажется, он еще здесь, на острове.

— А как его найти, не подскажете? — поинтересовался я, не особо рассчитывая на успех. И ошибся.

— Не подскажу. — Мотнула головой Мадам. — Но мальчики поспрашивают в округе. Я сообщу вам, как только что-нибудь узнаю. — Она помолчала. — Точнее, когда. Ох, от этих разговоров совсем в горле пересохло. Мистер Руден, а хотите попробовать наш особый коктейль — «Поцелуй русалки»? Очень освежает.

Я отрицательно качнул головой.

— Благодарю, но нет. Возможно, позже. Позвольте откланяться.

Она нахмурилась.

— Конечно. Но у вас было два вопроса.

— Разве? — удивился я. — Ах, да! Точно! Второй вопрос. Он очень простой. Вы знали, что Мэри была беременна?

Ее лицо дрогнуло, но голос не изменился:

— Неужели? Ах, тогда все это еще ужаснее, чем мне казалось. Нет, я не знала. Но думаю, что если бы Мэри хотела, чтобы я об этом узнала, то она непременно об этом рассказала. Полагаю, на этом мы закончили, мистер Руден?

Я пожал плечами.

— Скорее да, чем нет. Но если у меня появятся вопросы, я к вам непременно загляну. Можно?

— Конечно, — отстраненно согласилась Мадам. — Мы открыты с полудня до полуночи. Хорошего дня, мистер Руден.

Выйдя на крыльцо таверны, я посмотрел на часы.

— Три часа пополудни, молодой господин. Маэстро ждет вас к четырем, так что время еще есть, — прокомментировал мои действия Раджив.

Маэстро? Маэстро! Черт, совсем забыл! Урок фехтования. И у меня меньше часа в запасе. А чего точно не любит синьор Паоло Галлиани, так это опозданий.

— Ладно, — вздохнул я, садясь в экипаж. — Поехали. Надеюсь, я не опоздаю.

— Не опоздаете, молодой господин, — заверил меня Раджив, лихо свистнул и, как заправский ковбой, оглушительно щелкнул кнутом прямо над головами ни в чем неповинных лошадок.

Олдтаун, гимнастический зал, 15,50

Здание зала располагалось в переделанном складе: высокие потолки, запах дерева, стали и старой кожи. Доехали мы вовремя, если, конечно, безумную скачку по улицам Уиллоу можно назвать ездой. Сойдя на мостовую, я чувствовал себя немного дурно. Что же, можно и так. Но этот момент я Радживу еще припомню.

— О, синьор Джек! — воскликнул маэстро, едва я вошел в гимнастический зал. — А я уже решил, что вы забыли о се-

годняшнем занятии и не придете. Это меня ужасно расстроило.

— О, что вы, синьор Галлиани. Как я мог! Вы забываемы! Чтобы успеть вовремя, я мчался как ветер, — провозгласил я в ответ, прекрасно зная, что маэстро не устоит перед лестью и сменит гнев на милость. Так и случилось. Проворчав что-то о глупой и невоспитанной молодежи — «без обид, Джек, но раньше, лет триста назад, все, и особенно молодые люди, было лучше и правильнее» — он велел мне переодеться и делать разминку. Следующие сорок минут я добросовестно бегал, прыгал, отжимался, тянулся, крутился, подтягивался на перекладине и делал упражнения с булавами.

Сочтя, что я достаточно размялся, маэстро отправил меня к шкафу с фехтовальным снаряжением. Надев бриджи и куртку из плотной парусины, я взял с полки перчатки и маску и отправился к учителю, стоящему в центре зала с саблями в руке. Маской, в отличие от меня, синьор Галлиани пренебрег, как и всегда. «Это для неумех, неуверенных в себе и противнике», так он ответил, когда его об этом спросили. От меня, замечу, он этого не требовал, более того, наличие на мне маски было обязательным условием обучения. Осмотрев меня, он свободной рукой ткнул меня в грудь. Пришлось вернуться за нагрудником из воловьей кожи, после чего я наконец взял в руки оружие.

Встав на дорожку, я отсалютовал поднятым клинком. Маэстро ответил тем же, и поединок начался. Шаг, другой, вхо-

жу в дистанцию, удар в третью, попадаю в защиту, с трудом успеваю парировать пятой, бью в ответ, маэстро шагает назад и салютует.

— Неплохо, Джек! А ты не сидел без дела в этой своей Англии. Брал уроки?

Отличная попытка, маэстро. Когда-то я на такие штуки велся. Но не сейчас. Прыгаю с места назад, и длинный выпад итальянца до меня не дотягивается.

— Брал, маэстро Паоло, а как же иначе? И фехтовал в гимнастических залах, когда позволяли средства и время.

— И как тебе британский стиль? — Плавно возвращаясь в стойку, интересуется Галлиани. — В мое время англосаксы предпочитали учителей с моей родины. Но теперь времена другие, ныне заносчивые офицеры из гвардейских полков Ее Величества рассказывают, как правильно фехтовать, чтобы победить глупого дикаря с палкой.

— Почему глупого? — не понял я.

— Да потому что только идиот будет фехтовать на поле боя. Ну что, продолжим?...

...С маэстро Галлиани я познакомился, когда мне исполнилось семь. Он бесплатно вел гимнастику в приютской школе, а в свободное от занятий время преподавал фехтование и все ту же гимнастику в своем небольшом зале в Верхнем городе. Меня привез к нему кто-то из слуг дядюшки (вроде бы дворецкий, да и не суть), чтобы я «рос в правильном направлении». Джентльмен обязан быть развит, как ум-

ственно, так и физически, сказал тогда мне дядя. И он был прав, знаете ли. Никакие знания не спасут вашу жизнь, если вы физически неспособны сделать то, что нужно. И мой личный опыт лишь подтверждает это.

Но это сейчас. А тогда я оказался один в гимнастическом зале в обществе темпераментного невысокого человека, глядящего на меня с легкой улыбкой. Он присел передо мной, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Меня зовут Паоло Галлиани, — сказал он. — Я сделаю тебя сильным, *piccolo uomo*, но тебе придется постараться, потому что один я не справлюсь. Тут нужны двое — *mentore e studente*. Понимаешь меня?

Я кивнул, потому что действительно понял все, что он сказал. И всегда понимал. Только через несколько лет я сообразил, что маэстро всегда говорил со мной на чудовищной смеси английского и итальянского языков.

— *Belissimo!* — воскликнул он, затем тяжело вздохнул. — Но, *ragazzo mio*, нам придется хорошенько поработать. И начнем мы прямо сейчас!

Следующие два года по два часа в день я бегал, прыгал, бросал и ловил, отжимался, подтягивался, лазал по канату и лестнице, учился правильно падать, ходить и дышать. В девять лет непривычно серьезный маэстро вручил мне легкую рапиру и жестом пригласил на фехтовальную дорожку. Так началось мое настоящее обучение. И я понятия не имел, когда сеньор Галлиани решит, что оно завершено. Вероятно,

никогда. Ибо, как говорит маэстро, фехтование бесконечно, как жизнь, и так же щедро на сюрпризы. Включая и не очень приятные, учитывая вчерашнее утро. Подумав так, я невольно вспомнил Мэри-Энн, точнее то, что от нее оставил убийца.

Чувствительный укол в плечо вернул меня в настоящее.

— Вернись, Джек! — окликнул меня Галлиани, изящно уйдя от моего выпада и обидно стукнув меня по голове. — Ты должен быть здесь во время поединка, но, похоже, здесь лишь согро, та поn anima. Что-то случилось?

Я отступил на два шага, снял маску, отсалютовал наставнику и сказал:

— Да, маэстро, случилось. Вчера в Бэйтауне убили девушку из «Прибоя» — выпотрошили, словно рыбу. Я понимаю, что такое там случается чаще, чем здесь или в Мидтауне, но... Я могу принять факт убийства одним человеком другого. Но не понимаю, зачем убивать с такой жестокостью. Возможно, именно это мешает мне сосредоточиться. Думаю, нам стоит закончить на сегодня.

Слушая меня, Галлиани будто замер, чтобы не упустить ни слова. Он стоял, смотрел на меня и неподвижностью своей вдруг напомнил мне скульптуры Микеланджело. Но впечатление быстро прошло, когда итальянец порывисто отсалютовал мне в ответ.

— *Madonna mia*, ты совсем как он в молодости! Конечно, иди, Джек! И не опаздывай в следующий раз.

Сказав что-то подходящее, я пошел переодеваться. Когда я вернулся, маэстро, вооруженный двуручным мечом (я и не знал, что такой есть в зале), отрабатывал укол из какой-то сложной позиции. Не желая его отвлекать, я направился к выходу.

— Джек, — позвал он, когда я коснулся дверной ручки. Я обернулся. Он стоял ко мне спиной, положив меч на правое плечо и выглядел... уставшим? Нет, расстроенным.

— Да, маэстро?

— Будь осторожен, — сказал он глухо.

Неловко кивнув, я вышел на улицу.

Глава 5

Особняк Донохью, 14 октября 21.00

Остаток дня прошел спокойно и почти бессмысленно. Я сдал написанную статью, пообщался с редактором, погулял по Верхней набережной, отправил с нарочным записку мистеру Мюррею о согласии прийти к ним на ужин в пятницу и поехал домой. Про загадку убитой девушки я старался не думать — пустая трата времени, учитывая почти полное отсутствие фактов. Ответы доктора привели меня к новым вопросам, и это раздражало, поскольку я не знал, где искать ответы или хотя бы подсказки. Зато я точно знал, кто может мне подсказать, что делать дальше.

После ужина мы перебрались к камину, и я поделился с дядей своими соображениями.

— Хочешь попросить совет? — дождавшись, когда я закончу говорить, поинтересовался он, раскуривая ароматную сигару.

— Не уверен, — честно ответил я. — Возможно, стоит просто подождать, а пока заняться чем-то другим. Цинично, конечно, но убитой девушке спешить уж точно некуда, а я пока приведу в порядок свои дела.

— Хорошая идея, — кивнул дядя. — А еще ты должен нанести ряд визитов, и это не обсуждается. Как у моего наследника, у тебя есть обязательства, о которых следует пом-

нить. Можно начать с ужина у мистера Мюррея.

— Даже спрашивать не буду, откуда ты знаешь, — развел руками я. — Разве что... а обед с мэтром Оутерсом входит в список светских визитов?

— Нет, — рассмеялся дядя. — Майки — случай отдельный. Мы с ним больше, чем родственники, в каком-то смысле, так что считай это семейным обедом.

— Вот как, — заинтересовался я. — А почему так, в каком смысле, и можно ли подробнее?

— Всему свое время, Джек, — отмахнулся дядя. — Многие знания — многие печали. Потерпи до срока. Спокойной ночи, племянник. Камал, помоги мне.

Вот так всегда. Всему свое время, Джек. Это я слышал от дядюшки регулярно. И да, так оно и было. Заняться мне было нечем, и я решил почитать найденную на корабле книгу «Франкенштейн, или современный Прометей» за авторством некоей Мэри Шелли. Но где-то к концу первой главы, когда мне стало интересно, неожиданно для самого себя я уснул.

И снились мне привычные с детства темнота и безмолвие, которое сменилось на звуки волн, бьющих о преграду, скрип такелажа и треск дерева, и чье-то прерывистое, натужное дыхание. Затем короткий всхлип — долгий детский надрывный плач. А когда стих и он, пришел запах, жирный, мерзкий, маслянистый, вызывающий отвращение и острое желание уничтожить его источник. Он нахлынул на меня, я дер-

нулся, пытаюсь уклониться, куда-то полетел и... очнулся, сидя на полу возле кровати. Коротко чертыхнувшись, я поднялся и ушел в ванную. Вернувшись, взглянул на часы. Три часа ночи. Еще раз чертыхнувшись, я лег в кровать, укрылся одеялом и незаметно для себя снова уснул.

Особняк Донохью, 15 октября 07.00

Меня разбудило пение птиц за окном, и оказалось, что я прекрасно выспался. И мне не снились зверски убитые девушки, монстры или еще что-то в этом духе. Нет, я не обладаю стальными нервами, я достаточно впечатлителен, если что. Просто мне вообще не снятся сны, за одним исключением. А пока что я воспользовался случаем и после обязательной утренней гимнастики поплавал в садовом пруду (да, разумеется, у нас есть сад, а в нем — пруд, точнее небольшое озеро, но его все равно называют прудом).

Вволю наплававшись, я вышел на берег и рядом со своей одеждой обнаружил столик из ротанга, на котором чья-то заботливая рука сервировала завтрак: два яйца пашот, тосты, тарелочка каши и исходящий паром кофейник. Угадать личность благодетеля труда не составило, поскольку онный мирно дремал (или притворялся), опершись спиной на ствол яблони.

— А я думал, что встал раньше всех, — задумчиво сказал я, подходя к столику и наливая себе кофе. Раджив открыл левый глаз, посмотрел на меня и снова закрыл.

— Но ты смог встать раньше меня, приготовить завтрак и сервировать его здесь. Кстати, не хватает стула.

Не открывая глаз, индус указал рукой направление. Разумеется, посмотрев туда, я обнаружил ротанговый стул, стоящий за столиком так, чтобы я его не увидел сразу.

— Ладно, — согласился я. — Но все это странно. Ты слишком стараешься. Зачем, интересно? О, я кажется понял! Ты демон, притворяющийся моим слугой, как там? Ракшас? Нет, они уродливы и предпочитают притворяться женщинами. Асур? Но они враждуют с богами, а ты искренне веришь в них. И остаются... якши! Ты — якши, умеешь быть невидимым и живешь среди нас, оберегая дядю? Я же угадал??

И улыбнулся — широко и искренне. На этот раз открылись оба глаза. Открылись и покосились вправо. Из-за моей спины донесся раскатистый хохот Камала — старший Прадеш как обычно в это время возился со своими любимыми пряностями, высаженными на небольших грядках, разбитых в саду. Секунд десять Раджив пристально смотрел на меня, затем медленно закрыл глаза и расслабился. Я согнал с лица улыбку (не сказать, что это было сложно) и сел завтракать. До совещания в редакции не так много времени, а мне нужно было еще проверить материалы по новой статье.

**Олдтаун, редакция «Вечерней звезды», 15 октября,
11.00**

Поев и переодевшись, я заглянул к дяде пожелать доброго утра, прихватил из стойки трость из орешника и отправился в редакцию, искренне надеясь не успеть на пятничное совещание у редактора. Славно прогулялся, но на совещание, к сожалению, успел. Почему к сожалению? Ну, даже не знаю. Возможно, потому что обычно никак не мог повлиять на решения, которые там принимались. Какие именно? Ну, хотя бы это:

— Итак, господа, завтра утром выходит очередной выпуск «Вечерней Звезды». Что у нас в макете на сегодняшний день? — Вот что у старика Жене отлично получается, так это гулким, как пароходный гудок, голосом ставить задачи сотрудникам.

— На первую страницу мы поместим статью об открытии ресторана одного из лучших шеф-поваров Северо-Американских Штатов — Жозефа Бюбо. Шедевры креольской кухни, славящейся разнообразием, приготовленные из лучших продуктов и поданные с подлинным луизианским колоритом! — отрапортовал омерзительно бодрым голосом глава светской колонки.

— Отлично! И когда состоится открытие? — подал голос ведущий колонки о последних новинках моды. По-моему, его только Оутерс и читал.

— Ну, это скорее формальный момент, ресторан уже принимает посетителей. Не всех пока и по записи, но все-таки...

— Точнее!

— Через две недели, в субботу, шеф!

— Хорошо. Нам нужен рисунок мистера Бюбо у дверей его ресторана. И заголовок: «Ресторан „как-его-там“ открывает двери». Как он называется, кстати?

— «Звезда Субботы», вроде.

— Странное название. Ладно, вставьте его в заголовок. И скажите Тому, что нужен просто рисунок, а не его обычные работы.

— Обязательно, мистер Жене.

— Так, теперь по остальным, — продолжил шеф. — Миссис Доэрти, колонка объявлений прекрасна, к вам вопросов нет. Руден, я просмотрел твою статью, ты молодец. Так изящно рассказать, как эти оболтусы убивают время, и не назвать ни одного имени... О чем планируешь написать дальше?

— Об убийстве, сэр.

— Хорошая мыс... Что?! Каком убийстве, Руден?! Кого убили? Где?

— Официантку из «Прибоя». В переулке рядом с Докстрит. Выпотрошили, словно рыбу, и оставили умирать в луже крови.

— Слава Богу! — облегченно вздохнула миссис Доэрти. — Я уже решила, что это случилось в Олдтауне. В Бэйтауне-то это дело привычное. Там и живет-то всякое отребье. И наверняка она была проституткой, вот ее и убили.

— Какой ужас, Джек! Ты же понимаешь, что эту статью мы печатать не будем? — Старик хлопнул по столу.

— Почему, мистер Жене? Я напишу о преступлении, расскажу о жертве — юной девушке, которая мечтала стать учительницей и для этого работала официанткой, чтобы накопить на билет до Англии. Как она трудилась, отказывала себе во всем во имя исполнения мечты. Мечты, которая, сбывшись, принесла бы пользу Уиллоу Рок. Совсем недавно, если правильно помню, городской Совет обсуждал необходимость увеличения преподавательского состава в городской школе. И мать-настоятельница об этом сколько уже твердит! И все эти возможности умерли вместе с ней, когда кто-то решил, что она не должна жить.

— Боже, как трогательно! Бедняжка! — всхлипнула миссис Доэрти, утирая слезы ярко-зеленым платком. — Роберт, дайте мальчику шанс, умоляю вас!

Мистер Жене задумался. И шансы мои были невелики, но... Старик все-таки был редактором и очень хотел продать как можно больше экземпляров газеты. И если для этого нужно рискнуть... мной, то...

— Черт с тобой, Джек, пиши. Но если статья мне не понравится, я ее при тебе порву и выброшу в окно! Договорились?

— Да, шеф! — Ну вот, я же говорил? Я позволил себе небольшую победную улыбку.

— И чего ты сидишь?! Проваливай, тебе еще статью писать! Ну, что там следующее?

Ладно, это совещание прошло лучше, чем обычно.

Олдтаун, клуб «Белый Якорь», 15 октября, 12.35

В обеденном зале клуба «Белый Якорь» царила тишина, которую не могли нарушить даже звон серебряных приборов. Здесь, в самом сердце Олдтауна, время текло иначе, чем в шумном порту или даже в деловом Мидтауне. Оно не спешило. Оно ценило себя. Уинстон Донохью аккуратно отрезал кусок тунца, лежавшего на фарфоровой тарелке рядом с горкой оливок и веточкой розмарина. Рыба была свежей, плотной, идеально подходящей под белое вино, которое официант только что долил в его бокал. Лимонная заправка приятно холодила язык, оттеняя вкус вина.

Напротив сидел мистер Жене, редактор «Вечерней Звезды». Он выглядел менее уверенно. Его пальцы нервно барабанили по скатерти, а взгляд то и дело скользил к тарелке, где нетронутым остывало такое же блюдо.

— Уинстон, — начал редактор, наконец решившись нарушить молчание. — Мы должны поговорить о Джеке.

Донохью не поднял глаз, продолжая методично разделять рыбу.

— Слушаю, Роберт. Что-то не так с его статьями?

— Статьи отличные. У мальчика талант, — Жене вздохнул и отодвинул тарелку. Аппетит пропал. — Но темы... Уинстон, газета светская. Мы пишем о балах, об открытии ресторанов, о моде. А Джек... Он лезет туда, куда не следует. Эти убийства, этот морг, эти темные переулки Бэйтауна. Он

ведет себя как криминальный репортер из лондонских трущоб, а не как сотрудник приличного издания.

Жене наклонился чуть ближе, понизив голос:

— Он не может избавиться от этой привычки. Находить грязь. Выкапывать то, что лучше оставить закопанным. Я боюсь, что однажды он найдет что-то такое, что навредит не только репутации газеты, но и... кое-кому еще.

Уинстон наконец отложил вилку. Его взгляд, скрытый за стеклами очков, стал теплым, почти отеческим.

— Роберт, вы знаете, как я люблю своего племянника. — Голос советника звучал мягко, но в этой мягкости чувствовалась сталь. — Джек прошел через многое в Лондоне. Он научился выживать. Но он также научился видеть мир таким, какой он есть. Если вы запретите ему писать о том, что он видит, вы задушите в нем талант.

— Но газета... — попытался возразить Жене.

— Газета живет, пока её читают, — перебил его Донохью. — Дайте мальчику возможность раскрыться. Его читали в Лондоне, будут читать и здесь. Люди хотят правды, даже если она неприятна. Особенно если она неприятна.

Уинстон взял бокал с вином, поворотил янтарную жидкость на свету.

— Что касается опасностей... — Он сделал небольшой глоток и посмотрел на редактора прямо в глаза. В этом взгляде была искренняя тревога, та самая, что бывает у человека, который действительно любит своего родственника. — Мы

присмотрим, чтобы с ним ничего плохого не случилось. Ни с ним, ни с теми, кто окажется рядом.

Жене кивнул, чувствуя, как напряжение в плечах немного отпускает, сменяясь тяжёлым, липким облегчением. Он понял намёк. Джек будет писать, но под присмотром.

— Как скажете, Уинстон. Я просто хотел быть уверен, что мы контролируем ситуацию.

— Мы контролируем, Роберт. Всегда. — Донохью снова взял вилку. — Ешьте, тунец остывает. А рыба, как и новости, должны быть свежими.

Олдтаун, редакция «Вечерней звезды», ресторан «У Цзао», 15 октября. 13.15

Выйдя из редакции, я достал часы. Почти час пополудни. Времени как раз хватит, чтобы не торопясь дойти до ресторана дядюшки Цзао. Прогулка не затянулась — в Олдтауне вообще все в принципе недалеко — и примерно через десять минут мы с Радживом подходили к гостеприимно распахнутым дверям ресторана «У Цзао». Да, вот такая богатая фантазия у владельца заведения. Зато меню выше всяких похвал, а это для меня куда важнее.

— Добрый день, господин Руден, — поприветствовал меня стройный юноша в традиционной китайской одежде. — С возвращением!

— Спасибо, Цай Цзинь, — отозвался я. — Хотя, нет, Цзинь моего возраста, значит, ты его младший брат...

— Сяо, господин Руден. Я Цай Сяо. Цзинь помогает отцу

в Мидтауне. Там будет еще один ресторан.

— Отличные новости! Передай им привет от меня при встрече.

— Брату я передам, а отец здесь, и думаю, он будет рад услышать это лично. Проходите, прошу вас. Ваш... человек может подождать здесь.

— Конечно. А мэтр Оутерс здесь? — спросил я.

— Да, господин Руден. Они с отцом в саду. Прошу вас.

Кивнув, я прошел внутрь. В центре зала стояла статуя азиатского дракона, выполненная в красном и золотом цветах. Справа от нее стояли столики для людей, не желающих привлекать внимание публики. Пройдя мимо них, я толкнул задрапированную тканью неприметную дверь и вышел в сад. Как я и думал, Оутерс и Цай Хао были заняты самым интересным для них делом — спорили. Потягивая чай, мэтр что-то живо обсуждал с невысоким китайцем в классическом костюме. В данный момент он, бурно жестикулируя, доказывал Оутерсу, что он просто обязан попробовать новый сорт чая, привезенный по личной просьбе Цай Хао исключительно для того, чтобы тоскующая душа мэтра воспарила в небеса от чудесного букета этого чая.

Мэтр невозмутимо дождался окончания речи, допил чай, поставил чашку и витиевато объяснил уважаемому Цай Хао, что, во-первых, у стряпчих души нет по определению, стало быть, тосковать и воспарять совершенно нечему. Во-вторых, он верит в потрясающий вкус и аромат нового сорта, но за

последние примерно лет сто привык к тому сорту, что приобретает у семьи Цай с самого первого дня их знакомства. Поэтому он не станет изменять привычному чаю, а этот он тоже приобретет и поднесет в дар семейству Цай, да пошлют ему Небеса здоровья, благополучия и долголетия. Цай Хао молча поклонился в ответ.

Завидев меня, они прекратили спорить.

— Господин Руден! — воскликнул Хао. — Вы вернулись! Отлично выглядите, сразу видно, что вы не пренебрегали гимнастикой. Вы выросли!

— А вы нет, — машинально ответил я. — Ох! Прошу прощения, господин Цай Хао, я виноват. Недопустимо так отвечать старшим.

— Все в порядке, юноша, — отмахнулся китаец, — если обезьяна не дергает тигра за хвост, то либо она мертва, либо не обезьяна.

Оутерс ухмыльнулся.

— Получил, Джек? Что скажешь?

— Господин Хао, это вы так изящно меня обезьяной называли? — фыркнул я. — А знаете что? Раз так, где мой банан?

— Не стоит понимать сказанное настолько буквально, — покачал головой китаец. — Но не буду вам мешать. Ваши вкусы я знаю, позвольте сделать заказ за вас. Хорошего вечера, господа.

Мэтр жестом предложил мне присесть, пододвинул к вы-

бранному мной месту свободную чашку и аккуратно наполнил ее ароматным чаем.

— Знаю, Джек, ты предпочитаешь кофе, но здесь его не подают. Ну что, за встречу! И за твое возвращение!

— А ничего, что я уже четыре дня на острове? — поинтересовался я, делая глоток. Чай я не очень люблю, но этот был действительно хорош.

— С возвращением тебя к прошлой жизни, — уточнил Оутерс. — Меня опять ждет работа, как я понимаю? Вряд ли это последняя неприятность, из которой тебя нужно было вытащить.

— Неприятность? — хмыкнул я. — Это вы так убийство обозначили? А отвечая на ваш вопрос — нет, Майкл, меня не нужно ниоткуда вытаскивать. За время пребывания на туманном Альбионе я пересмотрел свои взгляды на допустимый риск. Оно того не стоит чаще всего. Но, в любом случае, благодарю за помощь. Без вас это прошло бы чуть дольше.

— А ты изменился, — отметил Оутерс. — Куда пропал твой дух авантюризма?

— Остался в Уайтчепеле, полагаю. А точнее, где-то на Цветочной улице. Дух авантюризма не очень помогает от ножей и кастетов, в отличие от фехтования и бега.

— Даже так? — удивился Оутерс. Несколько наигранно, на мой взгляд. — Ну, полагаю, маэстро Галлиани будет приятно, что его наука хоть кому-то пошла впрок.

Я почти спросил, почему он так сказал, но в последний

момент передумал. Если у мэтра и маэстро не ладятся отношения, к чему мне в это лезть без необходимости? И вообще, работа репортера приучила меня не делиться информацией без крайней необходимости, а мэтр именно обмен и предложит. «Бесплатно Майки не встает», пошутил как-то дядя. Так что я сделал еще один глоток чая и поинтересовался, что уважаемый мэтр может мне рассказать по убийству. А если не может, то наверняка может подсказать имя того, кто может дать мне необходимую информацию. И вообще, это задание редактора, мне это поручили, вот и спрашиваю. Ну и кроме того, меня так или иначе занесли в список подозреваемых, так что это немного личное. Мэтр задумался, не нашел в моем вопросе подвоха и ответил.

Итак, следствие поручили вести вовсе не Вулчеру, как мы думали, а инспектору Ларсену, из полицейского участка Мидтауна. Он, в отличие от Вулчера, местный, поэтому ненужных вопросов задавать не будет, но если надо, может и за горло взять (надеюсь, он это в переносном смысле сказал). По убитой девушке ничего нового не открылось. По самому убийству... тут сложнее. Коронер затруднился сказать, чем именно убивали жертву, но по характеру повреждений очень похоже на мясницкий нож или тесак китобоя, но это неточно, провести дополнительные эксперименты невозможно, так как тело пропало из морга, и это еще одно дело, которое ведет инспектор Ларсен. Собственно, на этом все, и никаких подробностей я от мэтра больше не узнаю. Но ес-

ли возникнет необходимость, он, мэтр Оутерс, всегда готов прийти мне на помощь, как и в старые добрые времена (ты же помнишь, Джек?). К счастью, Джек помнил, и даже очень хорошо, поэтому отделался невнятным «как только, так сразу, но это неточно».

Тут принесли еду, и беседа прекратилась сама собой. Передо мной поставили блюдо со свиной рулькой по-сянски, а мэтра порадовали уткой в кунжутном соусе и паровыми деликатесами. Еще были забавные салаты из овощей с пряным соусом и рассыпчатый рис в качестве гарнира. На десерт предложили рисовые шарики и миндальное желе. В самом конце на столе передо мной появились изящно выложенные на фарфоровом блюде кусочки банана в рисовом кляре. Принесший их официант выжидательно посмотрел на меня. Что же, хорошие шутки я люблю, да и проигрывать надо с достоинством, поэтому попросил передать мою искреннюю благодарность господину Хао за урок хороших манер и уважения к старшим. Доев, я поблагодарил мэтра за приятную беседу, оставил на столе несколько купюр и откланялся. Оутерс молча кивнул в ответ. Выглядел он несколько озадаченным и не склонным к разговорам. Выйдя из ресторана, я не спеша двинулся к центру, когда Раджив аккуратно сдвинул меня в сторону, и шагнул мне за спину. Обернувшись, я замер. Передо мной стояла Ингрид Мюррей с небольшой холщовой сумкой в руке.

Глава 6

Олдтаун, ресторан у «Цзао», 15 октября, 14.10

— Мисс Мюррей? — воскликнул я. — Что вы тут делаете? И где ваша сестра?

— Сестра? — опешила девушка. — У меня нет сестры, мистер Руден. И я не Ингрид. Вы меня с кем-то спутали.

Я согласно кивнул, продолжая разглядывать ее. Теперь я видел, что это не Ингрид, а очень похожая на нее девушка, одетая как служанка или горничная. Другой голос, другие движения, другого цвета волосы — тоже русые, но более светлого оттенка. И улыбалась она по-другому — одними губами. Смущенно улыбнувшись, я пожал плечами.

— Эээ, да, вероятно. Прошу прощения, мисс. Я Джек Уинстон Руден. А вы?

— Кто я, не имеет значения, — отрезала девушка. Вот как? Ладно, я тоже так умею.

— И чем я обязан нашему, — я потер переносицу указательным пальцем, подбирая подходящее слово, — незнакомству? Просветите меня.

Девушка коротко посмотрела на меня.

— Прошу простить мое поведение, сэр. Но мое имя и в самом деле не имеет значения. Я должна лишь передать вам это. — И протянула мне лист бумаги, небрежно сложенный

пополам. — Просто возьмите. Хорошего дня, сэр.

— И вам, мисс, — пробормотал я, глядя, как она уходит, на ходу доставая из сумки какой-то сверток, разворачивает его в дамскую плащ-накидку из тех, что нынче в моде у жительниц Мидтауна, и скрывается за углом.

Ладно, бывает и так. Я развернул записку. «Нашли. Приходите к девяти часам пополудни. И все-таки, попробуйте „Поцелуй русалки“». И все. Собственно, личность отправителя загадкой для меня не стала. Что же, мои надежды на тихий семейный ужин у Мюрреев не оправдались. Планы придется менять. Вечером меня ждет «Прибой».

Поразмыслив, я вернулся в ресторан, где попросил Цай Сяо передать мою просьбу приготовить еще несколько порций банановых пирожных и доставить их к дому мистера Мюррея к шести часам пополудни. А заодно найти мне экипаж, чтобы уехать домой. Разумеется, обе моих просьбы нашли живой отклик у семейства Цай, и вскоре я был дома.

Особняк Донохью, кабинет Джека, 14.40

Приняв ванну и приведя себя в порядок, я направился в свой кабинет (да, у меня тоже есть кабинет). Пришло время сесть и подумать. Для лучшего осмысления имеющихся фактов я решил использовать метод одного из лучших сыщиков Скотланд-Ярда.

— Раджив! — негромко позвал я.

— Да, молодой господин? — немедленно откликнулся индус откуда-то из-за моей спины.

— Мне нужна пробковая доска, несколько мотков цветных ниток, бумага, карандаши и что-нибудь, что можно воткнуть в эту доску.

— Что-то вроде этого? — спросил Раджив, показав обойный гвоздик и клубок красных ниток.

— Да, идеально! — обрадовался я. — Погоди. А где ты это взял?

— В кладовой, сэр. В коробке, что стоит на верхней полке справа от двери, — невозмутимо отрапортовал телохранитель.

— Как интересно... А что еще лежит в этой коробке?

— Несколько мотков цветных ниток, бумага, карандаши и коробка таких гвоздей, — перечислил индус, дождался, когда я соберусь задать очередной вопрос, и не без ехидства добавил: — Пробковая доска в коробку не влезла, пришлось поставить ее на пол внизу. Сейчас все принесут.

И действительно, вскоре появился наш плотник с помощником, нагруженные инструментами и коробкой со всем вышеперечисленным. Еще минут пять ушло у нас на выбор места, в котором все это должно располагаться. Наконец доску повесили, коробку с нитками, бумагой и гвоздями поставили под ней, и я остался один. Не считая Раджива, конечно, но это другое.

В центре доски я собирался поместить фото жертвы. Куда я положил тот конверт от мадам Оушен? А вот он. Теперь нож. Вскрывая конверт, я вдруг понял, что пытаюсь предста-

вить, как выглядела Мэри-Энн. Она была блондинка? Брюнетка? Впрочем, какой смысл гадать, сейчас и увижу. Я наклонил конверт, фото выскользнуло мне на ладонь и... я оцепенел. Потому что второй раз за этот день увидел Ингрид Мюррей, на этот раз на фотографии.

— Какого черта?! — вскипел я. — Что за наваждение? Раджив! Посмотри на снимок и скажи, кого ты на нем видишь.

— Девушку, похожую на мисс Ингрид Мюррей, — отчитался тот, рассмотрев изображение. — Но похож только цвет волос и фигура.

Еще одна загадка. Почему Мэри-Энн, та девушка у ресторана и Ингрид Мюррей так похожи? Что у них общего? Интересно, но эту задачку мы оставим на потом, а пока...

Фото Мэри-Энн отправилось в центр доски. Над ней я поместил листок, подписанный «М.О.», и соединил их желтой нитью. Рядом с М.О. разместился лист, подписанный «Шарки, Вэйли». Снизу от Мэри-Энн добавил лист со знаком вопроса и протянул красную нить. И, отделив черной нитью часть доски, я поместил туда листки с именем Ингрид Мюррей и еще один, обозначенный «незнакомка у ресторана». Пока все. Негусто. Но, думаю, что сегодня вечером это изменится. А мне пора готовиться к семейному ужину...

Олдтаун, клуб «Белый Якорь», примерно то же время.

Уинстон Донохью сидел у окна, откуда открывался вид

на гавань. Отсюда корабли казались игрушечными, а дым из их труб — безобидными облачками. Перед ним стоял бокал с сухим хересом, янтарная жидкость лениво перекачивалась по стенкам стекла. Напротив сидел старший инспектор Уильям Флетчер. Он выглядел менее уверенно. Его пальцы нервно барабанили по скатерти, а взгляд то и дело скользил к закрытой крышке серебряного блюда.

— Уильям, — начал Уинстон, не поднимая глаз. Голос был спокойным, лишённым каких-либо эмоций. — Как проходит расследование? Это убийство... оно не самое обычное, верно?

Флетчер вздохнул и наконец взял вилку.

— Если честно, сэр... никак. Сам характер преступления... Опыт Европы говорит о том, что оно может повториться. Но зацепок нет. Полиция работает в рамках процедур, а процедуры требуют времени. Ордера, запросы, протоколы...

Официант бесшумно возник рядом, убирая пустые приборы и расставляя новые. Перед мужчинами поставили горячие кокотницы. Аромат жареных грибов, сливок и тёплого хлеба наполнил воздух, на мгновение перебив запах старого дерева и табака. Жульен с грибами и гренками. Простое, но изысканное блюдо, которое в клубе готовили лучше, чем где-либо на острове.

Уинстон медленно вытер губы салфеткой и сложил её на столе.

— А еще мой мальчик, — произнес он, глядя прямо на инспектора.

— Мистер Руден, да, — инспектор опустил ложку и слегка подался вперед. — Ну, да. Он тут успевает раньше, чем наши люди. Потому что, в отличие от них, ему не требуются никакие официальные бумаги. Он просто приезжает и разговаривает. Люди говорят ему больше, чем нам. Он... гибок.

Уинстон кивнул, словно ожидал именно такого ответа. Он взял бокал с хересом, покрутил его на свету.

— Гибок, — повторил он. — И неконтролируем. Это опасно, Уильям. Для него самого и для репутации Совета.

— Я не говорю, что его нужно остановить, — быстро добавил Флетчер. — Я говорю, что его энергию можно направить в правильное русло.

Уинстон усмехнулся. Улыбка не коснулась его глаз.

— Что ж, это можно решить. Приставим к нему инспектора. Того, способного, черно-белого... Как его?

Флетчер выпрямился. Он знал, что этот вопрос решающий.

— Ларсен, сэр. Инспектор Ларсен из Мидтауна.

— Ларсен, — Уинстон постучал пальцем по столу, обдумывая. — Да, я помню его дело. Честен, упрям, знает улицы. Вот его и направьте.

— Сэр? — Флетчер поднял бровь. — Вы хотите, чтобы он охранял его?

— Я хочу, чтобы он был рядом с ним, — поправил Уин-

стон. — Посмотрим, как он переживет Джека. Им еще работать в будущем, возможно. Опять же, если это продвинет расследование, пусть будет. Официально — для безопасности племянника. Неофициально — для открывания тех дверей, что Джеку не откроют.

Уинстон снова взял бокал, посмотрел на свет сквозь вино. — Мы же друг друга поняли, старший инспектор?

Флетчер понял намек. Это была не просто просьба, это была инструкция, невыполнение которой могло стоить карьеры. Но и возможность тоже. Если Ларсен справится, если они найдут убийцу...

— Да, советник, — сдержанно улыбнулся Флетчер, наконец начиная есть. — Мы поняли друг друга идеально.

Мидтаун, дом Мюрреев, 17.55

Без пяти минут шесть я подошел к двери дома Мюрреев. Слева от нее на корточках сидел молодой китаец, судя по всему, еще один отпрыск семейства Цай. Увидев меня, он встал, поклонился и протянул замысловатую шкатулочку из рисовой бумаги.

— Ваш заказ, господин Джек. И небольшой сюрприз от господина Хао.

— Э, спасибо. — Взяв шкатулку, я полез во внутренний карман пиджака за бумажником. — Подождите минутку...

— Не нужно, господин, — отрицательно качнул головой китаец. — Все уже оплачено.

Ну нет, так нет, хотя странно, конечно. Пожав плечами, я стукнул молоточком по металлической пластине, и спустя полминуты слуга проводил меня в дом. Как и многие дома в Мидтауне, этот был построен в стиле мексиканских домов с внутренним двором внутри. Три стороны дома были одноэтажные, четвертая — со вторым этажом. Во дворик меня и провели. Все семейство Мюрреев уже сидело вокруг накрытого стола.

— Мистер Мюррей, мисс Дафна, мисс Ингрид... Доброго вечера! — широко улыбнулся я присутствующим. — А это небольшой подарок к чаю. Но лучше к кофе.

— Добрый вечер, мистер Руден, — отозвался Джордж Мюррей — невысокий, полнеющий мужчина с добрым лицом и глубокой залысиной. Взгляд у него был мудрый и немного ироничный. Сестры дружно сделали книксен и рассмеялись.

— О, мистер Руден, — прошептала Дафна. — Мы с сестрой так рады, что вы вновь про нас вспомнили!

— Я безумно скучал по вашей экспрессии в Лондоне, Дафна. Уверен, она превозмогла бы самый жестокий британский сплин, доведись им встретиться.

— Надеюсь, мы закончили с приветствиями и можем перейти к ужину! — нарочито бодро произнес фармацевт, делая знак слуге. — Присаживайтесь, Джек.

— Благодарю. Ох! — вспомнил я. — Джордж, к сожалению, через три часа у меня важная встреча, поэтому в по-

ловине девятого мне придется отклоняться. Заранее прошу прощения, но такова уж репортерская доля. Никогда не знаешь, что произойдет через минуту.

— Конечно, Джек, — несколько растерянно сказал мистер Мюррей. — Работа есть работа и...

— Она должна быть сделана, — закончил я за него.

— Верно, — улыбнулся он. — Вы очень похожи на Уинстона. Давайте тогда не будем терять время. Кстати, Джек, Дафна что-то говорила о продолжении той истории с инспектором Вулчером. Не поделишься?

— Охотно, — отозвался я. — Но возможно, я не так выразился. Видите ли, я сейчас начал работу над новой статьей и, так уж вышло, что бравый инспектор — один из моих источников информации. И ни мне, ни ему удовольствия это не доставляет. В любом случае, ничего нового по вашему делу я от него не узнал. Но достаточно о нем. Джордж, можно задать вам личный вопрос? Отвечать на него или нет — ваше право.

Фармацевт озадаченно кивнул.

— Конечно, Джек. Ты — друг Дафны, друг семьи.

— Мисс Дафна похожа на мать, полагаю? — еще один кивок. — Она была очень красива, как я понимаю. Но мисс Ингрид, она ни на вас, ни на Дафну не похожа. За этим скрывается какая-то грустная история? Или это семейная тайна? Прошу прощения, если лезу, куда не следует, но это не пустое любопытство. Возможно, это поможет мне лучше разо-

браться с моим нынешним заданием.

Какое-то время Мюррей думал, потом посмотрел на дочерей и, задумчиво потирая подбородок, сказал:

— Ну, в любом случае, я хотел поговорить об этом с дочерьми, так почему не сейчас? Вам же, Джек, я доверяю. Не вижу причины не удовлетворить ваше любопытство. Но не даром. Взамен я хотел бы услышать, как моя история помогла вам. По рукам? Хорошо. Тогда я предлагаю перейти в гостиную, там будет удобнее. А Рошин сварит нам кофе, он у нее чудесный, уж поверьте. А там и до ваших сладостей дело дойдет.

Мы перебрались в маленькую уютную гостиную, расположились на диванчиках вокруг кофейного столика, и Джордж начал свой рассказ.

...Когда моя жена отдала Богу душу, я хотел отправиться за ней. Я испытывал чувство вины, оно грызло меня изнутри, мучило. Я не смог спасти мою Кэйтлин, не смог. Зачем жить, когда самое дорогое, что было у меня, ушло? Тогда у меня не было ответа. Даже маленькая кроха, едва пришедшая в этот мир, не могла вернуть меня назад. Я оставил ее у братьев и отправился в ближайший паб. И вышел я оттуда через неделю с твердым намерением убить себя. У меня был отличный план. Но, к сожалению, или к счастью, он не учитывал моих братьев. Уилла и Дуга. Они встретили меня у пирса, Дуг без разговоров двинул мне в челюсть, а, очнувшись, я понял, что они принесли меня в цер-

ковь. Я лежал на скамье, заботливо укрытый одеялом, под головой у меня был аккуратно свернутый плед, а напротив сидел отец Бран.

— Очнулся, сыне, — с непонятным удовлетворением произнес он. — Хорошо. А то я решил, что Дуглас слишком сильно тебя ударил. Что последнее ты помнишь?

— Эээ, отец? — спросил я, но священник лишь отмахнулся.

— Сын мой, что ты помнишь?

— Я хотел прыгнуть с пирса, потому что не хотел жить без моей Кэйтлин. А Дуг мне не позволил. Они не позволили!

— Я велел им так сделать, когда они пришли ко мне за советом, — спокойно сказал отец Бран. — Этот грех мне еще предстоит отмолить. Надеюсь лишь, что Господь в милости своей учтет, что совершил я его во спасение твоей души.

— Но, — начал было я, но священник приложил палец к губам, и я замолк.

— И не только твоей, Джордж Мюррей, но и твоей дочери, урожденной Дафны Мюррей. Ты привел в мир это дитя, тебе и заботиться о нем, пока она не сможет делать это сама. Что вообще побудило тебя выбрать такой путь? — последние два слова он произнес с плохо скрытым отвращением.

— Я потерял, отче, — хмуро сказал я. — Моя жизнь не имеет смысла без Кэйтлин. И я решил, что, убив себя, смогу

снова быть с ней. А Дафна... Мои братья хорошие люди, они женаты на хороших женищинах. Они достойно воспитают Дафну.

— Ты идиот, — грустно сказал священник. — Самоубийцы не попадают на небеса. Вы даже в одной могиле не оказались бы. Об этом ты не подумал? Вижу, что нет. Когда придет срок, вы встретитесь. Ну а пока, встань, Джордж Мюррей, пустая твоя голова, и иди к дочери. Ты нужен ей сейчас, равно как и она тебе.

Так я вернулся домой. Я совершенно не представлял, что делать с маленьким ребенком, и это пугало меня до икотки. Как ее мыть, одевать, кормить? К счастью, у меня были невестки, у которых были ответы на эти и многие другие вопросы. Они нашли кормилицу. Рошин.

На этих словах нас прервали. Высокая женщина в темном платье и переднике, с подносом, заставленным разнообразной выпечкой. Из-за ее спины выглядывала служанка со вторым подносом, на котором стоял вместительный кофейник, чашки, сахарница и молочник.

— Благодарю, Рошин, дальше я сам, — встал из-за стола Джордж. Дафна принялась ему помогать, и через пару минут все это стояло на кофейном столике.

— Джордж, вы же об этой Рошин только что говорили? — поинтересовался я, дождавшись, когда дамы удалятся.

— О ней, — кивнул он в ответ. — Рошин стала кормилицей Дафны, но давайте по порядку...

Рошин была женой Тома, одного из местных рыбаков. Они ждали ребенка, и родила она одновременно с Кейтлин. Ее роды тоже закончились смертью, но на этот раз ребенка. За некоторую плату она согласилась поделиться молоком с Дафной. В любом случае, эта сделка была выгодна всем. Я бросил пить, вернулся в аптеку, но вернуться к прежней жизни у меня все равно не получалось. Взглянув вокруг, я видел лишь места, где мы с Кэйтлин были счастливы. Вот место, где мы играли детьми, пирс, с которого ловили рыбу, городская площадь, где я подарил ей первый букет и признался в любви. Вот берег моря, на котором я сделал ей предложение. Боже, как я был счастлив, когда она ответила «да»! В аптеке, смешивая очередной рецепт, я привычно просил ее принести что-либо... и лишь потом осознавал, что моей милой, дорогой Кэйтлин рядом больше нет.

Джордж прервался, чтобы добавить в свой кофе сливок, сделал долгий глоток и продолжил:

Полгода спустя легче не стало. Спасало лишь то, что уходя, Кэйтлин оставила мне на память чудо — мою милую Дафну. Дела в аптеке шли хорошо, и я подумывал об открытии еще одной, где-нибудь в центре. Хотя, признаться, не настолько я хотел совершить такой, без преувеличения, коммерческий подвиг. Я раздумывал, крутил эту мысль так и сяк, и никак не мог решиться, когда Судьба сделала выбор за меня. Вечером после ужина ко мне подошла Рошин и сурово попросила уделить ей несколько минут.

— Конечно! — воскликнул я. — Вы с Томом для меня и Дафны как родные, зачем спрашивать? Присаживайся и говори.

— Вопрос уж больно деликатный, мистер Мюррей, — сказала кормилица, садясь за стол. — Мы с Томом думали-думали и надумали. Уезжаем мы отсюда. Налоги растут, уловы мельчают. Но вам не сказать ну никак не можно, вот и я и пришла.

— Вот так новость, — озадаченно сказал я, еще не вполне понимая, что это значит для меня. Хотя нет, понимая. — А Дафна? Где я найду ей кормилицу? И куда вы собрались?

— С кормилицей я пособлю, — уверила меня Рошин. — Найду вам справную, честную бабу, чтобы до беды не дошло. Ну и невестки ваши присмотрят, все же родня. А куда едем, то лучшие лучшие у Тома спросить.

Услышав вопрос, кряжистый Том долго чесал затылок, подбирая слова. Разговоры не были его сильной стороной. Прибить гарпуном к стене из трехдюймовой доски подброшенную шапку, пожалуйста, а поговорить с кем-нибудь — это к Рошин. Его Маленькая Роза куда как складно говорит. Поймите правильно, Том достаточно умен, но разговоры...

— Дык, мне кузен Патрик написал, из О'Брайенов, зовет к ним, на Уиллоу-Рок. Это остров такой. Пишет, что там земли всем вдосталь, промысел хоть куда, наших полно, и самое главное, — Том смачно хряпнул кулаком по столу от

восторга. — Там нет чертовых англичан. Сами мол по себе живут. Вот мы и решили, а чего тут ждать? Когда нам и воздух налогом обложат? Так что мы собираем вещички, продаем-дарим, что ненужное, и на корабль.

Я смотрел на довольного Тома и отчаянно ему завидовал. Бросить все и начать новую жизнь на новом месте. Уехать отсюда, где все опостылело и лишь напоминает о былом счастье, это же прекрасно! Жаль, что я сделать так не могу. Хотя... Почему не могу?

— Том, — сказал я, отчаянно трусая. — А как ты думаешь, нужна им там, на как его там? Уиллоу-Рок, аптекарь-ирландец?

— А то, — просиял Том. — Хотите с нами, мистер Мюррей?

— Хочу, — признался я. — Но придется подождать, пока я продам аптеку и дом. Но вы же не завтра уезжаете, верно?

Глава 7

Дом Мюрреев, 18.45

— Папа, почему ты нам раньше этого не рассказывал? — спросила непривычно тихая Дафна, промокая слезы платком. Ингрид обняла ее и уткнулась лицом в плечо.

— Потому что мне больно об этом вспоминать, милая, — грустно ответил Мюррей. — Я очень любил... и люблю твою маму, а ты так на нее похожа...

— Очень похожа, — подтвердила дрогнувшим голосом Рошин. Оказывается, она не ушла, а тихонько сидела на стуле у входа в комнату, слушая рассказ вместе с нами.

— Как грустно, — сказала Дафна. — Но, папа, здесь только я, а где же Ингрид?

Джордж рассмеялся.

— Чтобы не происходило, ты всегда защищаешь сестру. Что ж, слушайте...

К моему удивлению, оказалось, что продать дело всей моей жизни не так уж и сложно, когда у тебя полно родственников-ирландцев. И даже выручить неплохую сумму. Если я правильно рассчитал, хватит на дорогу, обустройство на новом месте и еще немного останется на всякий случай. И уже через месяц, дождавшись окончания зимних штормов, мы отправились в путь. Мы — это я с Дафной, Том, Рошин и веселая ватага их сыновей. В первый же день они по-

дружились с коком, подрались с юнгой и разозлили боцмана, пытаясь поймать корабельного кота — здоровенного одноглазого зверя черного цвета по кличке Эдвард Тийч. После непродолжительной погони боцман изловил сорванцов и отправил драить палубу под присмотром вахтенного. Так мы и шли до Кейптауна, где пересели на шхуну, идущую на Уиллоу Рок. К тому времени все мы были изрядно утомлены путешествием и почти не покидали своих мест.

Двенадцатое утро встретило нас хмурой погодой и сильным ветром.

— Это нормально, сэр, — спокойно ответил на мой вопрос боцман. — На подходе к Уиллоу Рок всегда так. Море будто не хочет, чтобы на этот остров ходили корабли. Советую спуститься в трюм и держаться крепче. Следующие пять миль покажутся вам сотней.

Так и вышло. Шхуну бросало, качало, поднимало и опускало, порой мы слышали жуткий треск, и каждый раз я хватал Дафну на руки и клялся всеми богами, каких знал, что спасу ее любой ценой. Продолжалось это целую вечность, как по мне, хотя, судя по часам, прошло не больше четырех часов. И вдруг, да именно так, шторм, сквозь который мы шли, прекратился. Да, вот так взял и перестал быть.

Джордж вдруг внимательно посмотрел на меня.

— Скажите, Джек, а когда вы возвращались, такого не было?

Я отрицательно покачал головой:

— Сожалею, Джордж, нет. Думаю, мне просто повезло. Возможно, был просто не сезон. Или вам рассказали морскую страшилку, чтобы вы не покидали своих мест в трюме.

— Возможно, — согласился со мной он. — Но я отвлекся, прошу прощения. Позвольте продолжить...

На остров мы прибыли к закату. Корабль едва успел проскочить в бухту, когда солнце село. И как-то сразу стало темно. Нет, даже не так. Стало ТЕМНО. (Джордж произнес это слово с потрясающим выражением лица, Рошин кивнула, подтверждая сказанное). Шел дождь, такой, знаете, мелкий, противный, когда вроде и льёт едва-едва, но ты мокрый до нитки.

Мы сошли на берег, выгрузили свой небогатый скарб и, покачиваясь с непривычки, направились к начальнику порта. Хотя на самом деле нам был нужен клерк в ратуше, но мы об этом, естественно, ничего не знали. И вот, проходя мимо груды ящиков, сваленной возле пирса, я услышал... мяуканье? Нет, это был плач. Мы с Рошин и Томом одновременно, что называется, «сделали стойку». Плакал ребенок, причем маленький. Я передал Дафну кому-то из мальчишек, и мы с Томом начали осторожно убирать ящики в сторону. Рошин пыталась светить нам, зажигая спички, но они гасли на ветру, и тогда она вернулась на шхуну за фонарем. При его свете мы вместе отодвинули последний ящик и увидели девочку, промокивающую и очень замерзшую. Взяв ее на руки, я

почувствовал, что ее колотит от холода, хотя на улице было вполне комфортно, на мой ирландский взгляд, разумеется. Скинув с себя куртку, я закутал в нее кроху и мы двинулись дальше.

К счастью для нас, в конторе был сторож, который и объяснил нам, куда идти, а заодно и подсказал, где можно найти ночлег. Я остался с детьми, а Том с Рошин ушли договариваться с хозяином постоянного двора, как я думал. Воспользовавшись моментом, я осмотрел найденную девочку. Вот только, согревшись в куртке, она уснула, поэтому пришлось ограничиться осмотром. Не совсем кроха, как мне показалось вначале, на вид ей было года два, не меньше. Светлые волосы, правильные черты лица, худенькая и наверняка не очень хорошо питавшаяся. Одета она была лишь в какую-то ветхую, но чистую матросскую рубаху неопределенного цвета. Но как она оказалась в порту, среди ящиков? Забегая вперед, скажу, что мы так и не смогли этого выяснить. Вскоре вернулись Том с женой, мы подхватили вещи и направились в «Прибой», где нас ждала комната и ужин.

— Как!? — не сдержался я. — «Прибой»!? Опять?

— Ну да, «Прибой», — удивленно посмотрел на меня Джордж. — Что вас так удивило, Джек? Тогда это был единственный вариант, других таверн рядом с портом просто не было.

— Да нет, просто не самый ожидаемый вариант, — объяснил я. — Прошу прощения, что прервал, продолжайте, по-

жалуйста.

— Да в общем-то почти все, — пожал плечами Джордж.

Владелица «Прибоя» приняла нас радушно. Ужин был простой и сытный, но нам после корабельной кухни он показался пищей богов. Комната на втором этаже устроила всех. Там были кровати, и пол не пытался уйти из-под ног, так что все было прекрасно. Я спросил, нет ли у них какой-либо одежды для найденной девочки, без особой надежды, правда. Но, к моему удивлению, одежду нашли. Пару стареньких, но чистых платьев, чулки, ботиночки и еще что-то в мешке. Мадам Оушен предложила оставить девочку ей, но я уже принял решение, о чем и сказал.

— Я ирландец, мадам, и верю в приметы. Если Уиллоу Рок встретил меня таким подарком, это судьба. Моя покойная жена мечтала о двух дочерях, так пусть ее мечта исполнится. У Дафны будет сестра.

— Вы хороший человек, мистер Мюррей, — сказала тогда мадам. — Этому острову определено с вами повезло. Что ж, удачи, и обращайтесь, если потребуется помощь. А как вы назовете девочку?

— Ингрид, — не задумываясь, ответил я. — Кейтлин почему-то очень нравилось это имя, так что и думать нечего. Ингрид Мюррей, так ее зовут.

Джордж замолчал, разглядывая свою чашку. Девушки смотрели то на него, то на Рошин, то друг на друга.

— Ну и ладно, — сказала вдруг Дафна. — Неважно, как

Ингрид появилась, важно, что она есть. И она моя сестра. Это все, что мне нужно знать.

Отвлек нас слуга. Он заглянул в гостиную и что-то негромко сказал Рошин. Та встала и вышла. Вернувшись, она обратилась ко мне:

— Мистер Джек, у дверей ваш слуга-индус, он просил передать, что вам пора, — негромко сказала она, дождавшись паузы в разговоре.

Я взглянул на часы. Да уж, время прошло незаметно.

— Благодарю, Рошин. Дафна, Ингрид, Джордж, — к сожалению, мне пора, работа должна быть сделана. Я прекрасно провел время, Джордж, вам отдельная благодарность за рассказ, это прояснило для меня некоторые вещи. Позвольте с вами переговорить наедине, сэр?

— Конечно, — растерянно кивнул Мюррей и направился к выходу вслед за мной. У дверей я остановился. Джордж вопросительно посмотрел на меня.

— Джордж, у меня два вопроса. Первый, это правда? То есть все так, как вы помните? Без купюр? И второй, есть у вас портрет Ингрид? Если да, вынужден попросить одолжить её, она необходима мне для расследования. Когда оно закончится, обещаю, вы все узнаете первым.

Фармацевт кивнул.

— Ответ на оба вопроса «Да», Джек. Это правда, и у меня есть портрет Ингрид. И я согласен вам помочь. Как ирландец ирландцу. В обмен на историю за кружкой пива. Минуту.

Подозвав слугу, стоящего неподалеку, Джордж отдал распоряжение, и спустя минуту у меня в руках оказался конверт из плотной бумаги.

— Благодарю вас. — Кивнул я. — И последнее, не говорите дочерям о моей просьбе. То, чего они не знают, им не повредит.

— Конечно, Джек, — ухмыльнулся Мюррей. — Удачной охоты!

Я кивнул и вышел на улицу...

Помните, я говорил, что предпочитаю ходить пешком? Ну вот, это совсем не про сегодняшний вечер. Пока Раджив гнал лошадей по пустым улицам Мидтауна, я пытался отвлечься от тряски и головокружения, размышляя о том, что (или кто) ждёт меня у Мадам Оушен. И я не уверен, что это мне понравится. Слишком уж часто упоминается здесь Мадам. Будто к ней так или иначе ведут все нити, которых я коснулся, задавая вопросы. Да и вопросов-то как таковых еще не было, а Мадам, так или иначе, упоминают все, с кем я общаюсь. Что ж, посмотрим, куда ведет эта нить.

Бэйтаун, таверна «Прибой», 15 октября, 21.03

На подъезде к «Прибою» нас встретил Шарки. Здоровяк помахал нам рукой с тротуара, дождался, пока Раджив остановит коляску, и приложил палец к губам. Дождавшись наших кивков, просто развернулся и потопал к заднему входу в таверну. Далее на второй этаж по мелодично поскрипывавшей лестнице и в ближайшую к ней комнату. Войдя внутрь, я

начал осматриваться. Обычная меблированная комната. Не очень большая, кровать, узкий платяной шкаф, стол и два табурета. На одном из них сидел мужчина лет двадцати пяти. Одет он был подобно большинству мужского населения Бэйтауна — ботинки, матросские штаны и рубаха, куртка из парусины. Шарки посмотрел на меня и кивнул на свободный табурет. Пожав плечами, я сел. Теперь мы с незнакомцем сидели лицом к лицу, и стало видно, насколько он устал. Круги под глазами, будто он не спал несколько суток, впавшие щеки и потухший, отчаявшийся взгляд.

— Это Пол Нейс, — проворчал Шарки. — Он ищет свою жену. Дальше сами. Если что, я снаружи.

Дождавшись, когда здоровяк выйдет, Раджив запер за ним дверь и встал подле нее. Я перевел взгляд на собеседника. Тот смотрел на меня, будто чего-то ожидая.

— Пол? Я Джек Руден, репортер из «Вечерней Звезды». Я провожу расследование об исчезновениях людей. Это Раджив, мой слуга. Мне сказали, что у вас пропала жена, я хочу задать вам несколько вопросов, и, возможно, ответы на них помогут понять, что здесь происходит. Понимаете меня?

Он посмотрел на меня и медленно кивнул. Затем заговорил сухим, надтреснутым голосом.

— Я... да, понимаю. Моя Дженни пропала, вот что происходит. Как ваши вопросы помогут ее отыскать? Вы репортер, не детектив, что вы можете сделать?

— Ну да, я репортер, — согласно кивнул я. — И я могу

написать об этом статью, которую прочтут несколько тысяч человек. А в этой статье будет описание вашей пропавшей жены. Прочтут и задумаются, а кто-то даже придет в редакцию и скажет, что он что-то видел. И это поможет найти ответы. Не все и не сразу, конечно.

Его взгляд стал более заинтересованным.

— А почему вы так уверены, что эту вашу статью прочитают? — спросил он.

— Потому что это единственная газета на острове, черт возьми, — ответил я. — Ну и потому, что мои статьи читателям нравятся. В любом случае, это шанс. Воспользоваться им или нет, решать вам.

Он задумался, потом пожал плечами.

— Ладно, мистер Руден. Спрашивайте. Что вы хотите знать?

— Расскажите вашу историю с самого начала, мистер Нейс. Как вы оказались на Уиллоу Рок?

— Приплыли на корабле. Мы с Дженни хотели завести ребенка, но у нас не получалось, и один из докторов сказал, что слышал про Уиллоу Рок, мол, тут есть госпиталь, в котором нам могут помочь. Мы собрали наши сбережения, продали поместье в Девоншире и...

— Поместье? — переспросил я. — Прошу прощения, но по вашему виду не скажешь, что...

— Что у меня есть средства? — продолжил он за меня. — Я понимаю. Но там не поместье, скорее земельный надел, ко-

торый я предложил выкупить своим соседям: кому она нужна. Условие было лишь одно — цена не обсуждается. Надел купили. И у нас появились средства на поездку сюда. По прибытии мы сняли маленькую квартиру в Бэйтауне, комната, кухня, ничего особенного. Дженни очень любила готовить, особенно рыбу. Здесь ее много, всякой и свежей. Она ходила на рынок, сначала со мной, потом одна... Подружилась с одной из торговек, Розы, кажется, та всегда оставляла для нее что-нибудь особенное. Печень тунца или икру, если та попадалась в рыбе. Но однажды, недели две назад, она как обычно ушла за покупками, и не вернулась.

— Вы не спрашивали эту Розы о своей жене? — поинтересовался я. Пол покачал головой.

— Нет. Я даже не знаю, как она выглядит. Дженни познакомилась с ней, когда начала ходить на рынок одна. Может и стоило познакомиться с ней тоже, но я решил, что Дженни сама нас познакомит, когда придет время... — он расстроено махнул рукой.

— Мистер Нейс, — я подумал, что пора менять тему, иначе он уйдет в себя и станет бесполезен. — По пути сюда происходило ли что-нибудь необычное?

Он задумался.

— Ну, возможно. Знаете, мы очень много времени проводили на палубе. Мы смотрели на океан, мечтали, загадывали, кто у нас будет, если нам и правда смогут помочь. Ну, такое, знаете. По сути, это был наш медовый месяц, и мы

были счастливы, мистер Руден.

Последние слова он произнес очень тихо. Взгляд его затуманился, он погружался в воспоминания. Но мне от него было нужно совсем другое, нежели ностальгические воспоминания о близком человеке.

— Я спросил о необычном, мистер Нейс, — прервал я его. — Пока что то, что я услышал, звучит мило и романтично, но не необычно. Вы меня понимаете?

Он вздрогнул, приходя в себя.

— Да, мистер Руден, понимаю.

— И? — надавил я.

— Ну, — замялся он. — Даже не знаю, можно ли это считать странным, но... Дженни почти всё путешествие провела на палубе, даже кушали мы в основном наверху, не в каюте. Она часами стояла на носу, смеясь, когда брызги попадали на ее лицо.

— И как вы считаете, мистер Нейс, чем было вызвано такое ее состояние? — поинтересовался я, записывая в блокнот его слова.

— Даже не знаю, — смутился он. — Она очень любит воду. Мы много гуляли по набережной, ездили к морю, когда позволяла моя работа, конечно. Но такого, как на корабле, никогда не было. Ох, у меня же есть фотография одного из таких моментов. Подождите.

Он достал из внутреннего кармана куртки небольшой блокнот, раскрыл его примерно на середине и протянул мне.

— Вот, смотрите! Это моя Дженни.

Я взглянул на снимок, вложенный между страниц. С плотного, слегка пожелтевшего картона на меня смотрела смеющаяся девушка, похожая одновременно на Мэри-Энн Сторбелл, Ингрид Мюррей и девушку с посланием от мадам Оушен. Пару ударов сердца я смотрел на снимок, затем закрыл глаза, досчитал до трех и открыл. На снимке по-прежнему было то же самое. Я захлопнул блокнот и снова его открыл.

— Эй, что происходит? — забеспокоился Нейс. — Мистер Руден, все в порядке?

— В полном, мистер Нейс, — коротко улыбнулся я. — Минуту, пожалуйста. Раджив, будь любезен, взгляни.

— Это не она, молодой господин, — доложил индус спустя какое-то время. — Все то же сходство, но не она. Нос и губы отличаются.

— О, действительно. Благодарю.

Коротко кивнув, Раджив вернулся к двери. Нейс уставился на меня. Из его глаз исчезло всякое отчаяние, теперь в них была растерянность.

— Какого черта здесь происходит?! — почти выкрикнул он. За дверью бухнуло, и Шарки глухо спросил, не нужна ли нам помощь. Короткий ответ индуса его удовлетворил, и шаги за дверью прекратились. Я взглянул на собеседника.

— Мистер Нейс, Пол. Я все объясню, обещаю, но сначала ответьте на несколько вопросов. Хорошо?

Нейс задумался, затем решительно кивнул.

— Спрашивайте.

— Что вы знаете о Дженни? Сколько ей лет, есть ли у нее семья? Братья, сестры?

Мужчина пожал плечами.

— Ей двадцать четыре, она младше меня на четыре года. Семьи у нее нет. Насколько я знаю, она сирота, выросла в приюте, там же получила профессию. Она кружевница. Видите ли, я фотограф, служил в полицейском департаменте. Делал снимки преступников, знаете, такие, — он повернулся ко мне боком, затем обратно, лицом. — Анфас, профиль, линейка. Система Бертильона, и так далее.

— Ясно. Звучит увлекательно, — нейтрально произнес я. Он слабо улыбнулся.

— Звучит как «скука смертная», мистер Руден. День-деньской видеть эти гнусные рожи, поневоле захочешь отвлечься. Я ходил в парк, к пруду, делал там снимки птиц, бабочек. Она увидела и спросила меня, зачем я это делаю. Я ответил, что хотел бы сохранить их красоту на память, и фотография лучший для этого способ. Она рассмеялась и представилась. Так мы и познакомились.

— То есть о ее родне, если таковая есть, вы не знаете?

— Получается, нет, — кивнул он. — А почему вы спрашиваете?

Вздыхнув, я вынул из кармана конверт с фотографиями, открыл его и выложил на стол фотокарточки с Мэри-Энн, Ингрид, помедлил и добавил к ним фотографию Дженни

Нейс.

Глава 8

Три фотографии лежали на грубой деревянной поверхности стола, словно три карты одной и той же территории, снятые в разное время и при разном освещении. Пол Нейс смотрел на них, не мигая. Его дыхание стало поверхностным, частым, будто воздух в комнате вдруг стал разреженным.

— Это... — его голос сорвался на шепот. Он протянул руку и коснулся снимка Дженни, пальцы дрожали. — Это моя Дженни. А это... — он перевел взгляд на фото Мэри-Энн, которое я получил от Мадам Оушен. — Это та девушка? Та, что... мертва?

— Да, — подтвердил я тихо. — Мэри-Энн Сторбелл. Официантка из «Прибоя».

— Они похожи, — прошептал Пол. — Боже мой, они похожи как сестры. Но у Дженни нет сестер. Она сирота. Она... — Он запнулся, взгляд его метнулся к третьей фотографии. — А это кто?

Я накрыл ладонью снимок Ингрид. Пока рано. Слишком рано впутывать в это семейство Мюрреев, пока я не понимаю сути происходящего.

— Местная жительница, — солгал я, не моргнув глазом. — Просто для сравнения. Обратите внимание на профиль, на разрез глаз. Это не случайное сходство, мистер Нейс.

Он откинулся на спинку табурета, и дерево жалобно

скрипнуло. В его глазах вспыхнула искра надежды, тут же заглушенная страхом.

— Вы думаете, она здесь? На острове? Дженни?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но если она здесь, то она в опасности. То, что случилось с Мэри-Энн... это не было обычным преступлением. Так не убивают из-за денег или ревности. Это что-то другое. И ваша жена может быть следующей в списке, если она действительно похожа на них.

Пол сжал кулаки, костяшки побелели.

— Я должен найти её. Я не могу сидеть здесь и ждать.

— Вы ничего не найдете, если будете бегать по портам и спрашивать каждого встречного, — жестко сказал я. — Вы только привлечете внимание тех, кто хочет, чтобы она исчезла навсегда. Вы уже ходили в полицию?

— Да, — он горько усмехнулся. — Инспектор Вулчер. Он сказал, что она, вероятно, сбежала от меня, потому что нашла кого-то получше. Он даже не стал записывать показания нормально. Просто выгнал.

Вулчер. Конечно. Стервятник чувствует кровь за версту, но предпочитает питаться падалью.

— Забудьте про Вулчера, — сказал я. — У меня есть доступ к информации, которой нет у полиции. И у меня есть мотивация. Мне нужно понять, что связывает этих женщин.

— Что вы хотите взамен? — вдруг спросил Пол. В его взгляде появилась настороженность человека, который понял, что благотворительность в этом мире встречается реже,

чем белые вороны.

— Правду, — ответил я. — И возможность написать статью, которая заставит этот остров встряхнуться. Но пока — тишина. Ни слова никому о том, что вы видели эти фотографии. Особенно здесь, в «Прибое».

Пол кивнул, медленно, словно каждое движение давалось ему с трудом.

— Хорошо. Что мне делать?

— Оставайтесь на месте. Не ходите в порт. Не пытайтесь нанять лодку. Если Дженни здесь, она сама попытается найти вас, когда увидит мою статью. А я сделаю так, чтобы она её увидела. И да, я заберу фотографию, она нужна для расследования. Обещаю, что верну ее сразу по окончании дела.

Я собрал фотографии и убрал их обратно в конверт. Пол смотрел на мои руки взглядом, будто в этом конверте хранилась вся его жизнь.

— Вы придете снова? — спросил он.

— Да. Завтра или послезавтра. Следите за газетой. И помните: если кто-то спросит, видели ли вы меня — вы меня не видели.

Я встал. Раджив, стоявший у двери, бесшумно отпер замок. Шарки за дверью даже не шелохнулся, лишь проводил нас тяжелым взглядом, когда мы вышли в коридор.

Спуск по лестнице казался бесконечным. Запах жареной рыбы, дешевого табака и сладковатого сиропа доносился даже сюда, давя на виски. В таверне былолюдно, смех и звон

бокалов сливались в единый гул, мешая думать.

В молчании мы вернулись в экипаж. Раджив помог мне сесть, и только когда колеса застучали по булыжнику, я позволил себе выдохнуть. Даже в Уайтчепеле мне не было так страшно, как сегодня, когда я вынужден был надеть маску злого на весь мир детектива.

— Что думаешь? — спросил я, не оборачиваясь.

Раджив сидел на козлах, спиной ко мне, но я знал, что он слышит каждое мое слово.

— Девушки похожи, молодой господин. Но это не одно и то же лицо. Как маски, сделанные с одной формы, но разными мастерами.

— Маски, — повторил я задумчиво. — Их очень легко надеть.

— И очень сложно снять, сэр. Куда едем?

Я посмотрел на конверт в своих руках. Три женщины. Три судьбы. И что-то, что связывало их всех с этим островом, с этим портом, с этой таверной. И в этой таверне была Мадам Оушен, с загадочной улыбкой и коктейлем «Поцелуй русалки».

— Домой, Раджив, — сказал я.

Вернувшись домой, я положил конверт с фотографиями на стол и пошел переодеваться. Подошел к доске, вернул фото Мэри-Энн на место, за черную нитку поместил фото Ингрид, Дженни и лист с надписью «Незнакомка у ресторана». Отошел на пару шагов назад, осмотрел получившуюся кар-

тину, которая говорила мне, что я... ничерта не понимаю. Мне просто не хватает информации, это же очевидно. И прямо сейчас я ее не получу, так что пойду-ка я спать. Утро наверняка подкинет пару-тройку подсказок.

Особняк Донохью, 13 октября, 07.30

Утро началось с появления Раджива, когда я только закончил чистить зубы.

— Молодой господин, — коротко поклонился индус. — К вам пришли. Инспектор Ларсен.

— Инспектор? Ко мне? Не к дяде?

Индус отрицательно качнул головой.

— Ну что же, попроси его подождать в саду, я скоро спущусь. И пусть завтрак подадут туда. На две персоны.

Ларсен оказался подтянутым атлетичным блондином с голубыми глазами и кожей цвета молочного шоколада. Одет он был в серый костюм и соломенную шляпу, которую, впрочем, сейчас держал в руках, вместе с легкой на вид тростью со слегка изогнутой рукоятью. Увидев меня, он поднялся со стула, на котором сидел.

— Доброе утро, мистер Руден. Инспектор Ларсен. Центральный полицейский участок Мидтауна.

— Доброе утро, инспектор. Составите мне компанию за завтраком?

— С удовольствием, сэр. — Не стал ломаться инспектор. — С утра на ногах, и такое чувство, что вовсе не завтракал.

— Понимаю вас, инспектор. Помню, в Лондоне порой приходилось довольствоваться лишь ужином. Прошу вас, не стесняйтесь.

Следующие полчаса прошли в молчании. Рене действительно хорошо готовил, и этот раз не был исключением.

— Кхм, — откашлялся он. — Видите ли, несмотря на этот инцидент, ваша непричастность к убийству не доказана. В связи с этим у Департамента есть предложение. Во избежание дальнейших... недоразумений на время расследования к вам будет прикомандирован инспектор полиции, в лице вашего покорного слуги, — он церемонно поклонился.

— То есть вы будете меня сопровождать, куда бы я не направился? — уточнил я.

— Совершенно верно, — согласился Ларсен.

— Оу, ну хорошо, — пожал плечами я. — А советник Донохью в курсе?

Ларсен нахмурился и кивнул.

— Да, сэр. Его поверенный, мэтр Оутерс, предложил этот вариант, и комиссар согласился, что это разумно и практически не нарушает ваши права.

— Ясно, — задумчиво протянул я и поднялся со стула. — Сидите, сидите, инспектор, я не собираюсь никуда уходить из дома. Просто мне нужно отлучиться на пять-семь минут.

— Да, Джек, — устало подтвердил дядя, к которому я поднялся через минуту. — Майки предложил, и я согласился на этот вариант, потому что он не позволяет впутать тебя в оче-

редной скандал, не стесняя свободу действий. Ты же решил сам провести расследование, не так ли? — его глаза блеснули из-под очков.

— Так, — согласился я.

— Так что тебе не нравится? И кстати, если Вулчера отстранили, это не значит, что он отстранился. Так что инспектор Ларсен тебе еще пригодится. Остальные плюсы поищи сам, мне пора работать. Хорошего дня, Джек.

В сад я вернулся изрядно озадаченным. Наличие инспектора изрядно осложняло мои действия. А может и нет, дядя же говорил про плюсы. Ладно, это надо обдумать, а пока... Пока мне нужно в редакцию.

— Как ни жаль, у меня есть работа, и она должна быть сделана. Инспектор, я переоденусь, и мы прогуляемся до редакции. Вы же не против?

— О, нисколько, — сверкнул улыбкой Ларсен. — После такого завтрака я готов ко всему.

— Тогда ждите меня в гостиной.

Мы шли по мощеным улицам Олдтауна быстрым шагом. Ларсен не возражал против пешей прогулки, хотя его начищенные ботинки явно не предназначались для брусчатки. Раджив держался в десяти шагах позади, но я знал: стоит мне споткнуться, и индус окажется рядом быстрее, чем упадет шляпа.

Воздух был густым, пахло влагой и растениями. Ларсен шел молча, привычно сканируя взглядом прохожих. Я решил

нарушить тишину. Вопрос вертелся на языке с момента нашего знакомства, но раньше казался бестактным. Но я решил рискнуть.

— Инспектор, можно вопрос? Не служебный.

Ларсен покосился на меня, уголок его рта дрогнул.

— Зависит от вопроса, мистер Руден. Если о том, почему я не ношу форму, то ответ скучен: она мешает двигаться.

— Нет, не об этом. — Я поискал слова, чтобы не звучать грубо. — Просто... любопытство репортера. Как так вышло, что человека с фамилией Ларсен и внешностью... кхм... столь экзотической для этих широт, нашли именно в полиции Уиллоу Рока? Не хочу задеть, но это редкое сочетание.

Ларсен не смутился. Он казался человеком, который отвечал на этот вопрос сотни раз, иногда кулаками.

— Господь любит разнообразие, мистер Руден. А если серьезно... Мать моя местная. Родилась в Бэйтауне. А отец... Отец был шведом. Китобой. Он называл меня Сварре. На его родном языке это значит «темный» или «черный». Говорят, когда я родился, он посмотрел на мою кожу, рассмеялся и сказал: «Ну вот, мой маленький Сварре». Так что имя прижилось, даже когда его самого не стало.

— Китобой? — Я вспомнил рассказ Томми о гарпунере на «Веллермане». — И он остался на острове?

— Нет. — Голос Ларсена стал жестче. — Он не вернулся из рейса. Шторм у мыса Доброй Надежды. Или пьяная дра-

ка в порту — мать так и не узнала правды. Мне было пять лет, когда пришло известие. Осталась фамилия, цвет волос и глаза. И мать, которая одна поднимала меня в квартале, где чужаков не любят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.